ПАНДОРА ВАЙС

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

ТАНЕЦ НА ОСТРИЕ МАЧЕТЕ

18+

любовь, отмеченная кровью

Пандора Вайс

Танец на острие мачете

«Автор»

2026

Вайс П.

Танец на острие мачете / П. Вайс — «Автор», 2026

ТИЦИАНА ДЕ ФУЭГО:Отец продал меня старику-садисту за власть и силу.Но я не стала ждать, пока меня сломают и пришла к его заклятому врагу сама.Я предложила свирепому Дону Каморры свою красоту, свою невинность и свое тело — в обмен на смерть моего отца.Я знала, что делаю.И знала, к кому иду.АНДЖЕЛО ЛОМБАРДИ:Она переступила порог моего дома так, будто уже принадлежала мне.Испуганная. Гордая. Готовая сгореть.Она предложила сделку, от которой было бы лучше отказаться. Но я привык брать то, что мне дают.И я взял её. Я не обещал ей нежности — только ночь, в которой выживают сильнейшие.Я думал, что она станет моей слабостью.Но она стала огнём, который я выбрал сам.ВМЕСТЕ:Я родилась в огне. В доме, где женщин продают, а любовь убивают раньше, чем она успевает стать слабостью.Когда между Каморрой и мексиканским картелем начинается война, становится ясно — мы начали то, что может уничтожить нас и весь наш кровавый мир.Я отдала себя, чтобы выжить.Он взял меня, чтобы победить.

© Вайс П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 5
ГЛАВА 1 9
ГЛАВА 2 11
ГЛАВА 3 18
ГЛАВА 4 24
ГЛАВА 5 30
ГЛАВА 6 38
Г 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Танец на острие мачете

ПРОЛОГ

Анджело.

«Самые опасные союзы начинаются не с доверия — а с ненависти».

— Кем ты, чёрт возьми, собираешься стать?!

Мой голос в оглушающей тишине ночи прозвучал слишком громко. Я не повышал тон, и всё же говорил достаточно резко, чтобы любой человек понял — мое терпение на исходе.

Однако девушка у окна даже не вздрогнула. Она стояла вполоборота ко мне, напряженная и неподвижная, будто этот город принадлежал ей не меньше, чем мне. Словно он уже принял её — и она знала об этом.

— Твоей любовницей — спокойно ответила она.

И все. Вот так просто. Ни намека на просьбу. Ни тени сомнения. Ни дрожи в голосе.

Я не любил сюрпризы. Особенно такие. Я сделал несколько шагов вперёд, наблюдая как лунный свет, льющийся сквозь окна, мягко очерчивает её фигуру, и остановился — поймав себя на том, что смотрю на неё не как дон Каморры, а как мужчина.

Девушка была молода и чертовски красива. Не искусственной, глянцевой красотой из модных журналов, нет. Ее красота была настоящей, живой и опасной — такой, от которой у мужчин пересыхает во рту. Джинсы сидели на ней словно вторая кожа, подчеркивали округлость бёдер и длинные, сильные ноги. Простая рубашка облегала грудь и чуть натягивалась при каждом ее вздохе, дразня и напоминая, что под ней скрыто. В её внешности не было ничего показного — и именно это делало её невыносимо сексуальной.

Она была высокой, гибкой, с гордой осанкой королевы, которая не знает, что такое склонять голову. По спине тяжелой блестящей волной струились длинные густые чёрные волосы. Кожа тёплого, золотисто-персикового оттенка выглядела безупречной и будто светилась изнутри.

Но когда она повернулась, меня ударило сильнее. Эти глаза.

Сине-зелёные, цвета расплавленного аквамарина, слишком яркие, они горели в ночи и притягивали своей таинственной глубиной. Но в этой глубине не было мольбы, в ее глазах светились только ярость, острый ум и пламя женщины, которую не смогли сломать. Эти глаза обещали беду. И я слишком хорошо это понимал.

Я выдохнул сквозь зубы:

— Тициана де Фуэго, дочь ублюдка Бальтазара де Фуэго, принцесса Лос-Сетас…

Она выдержала мой взгляд даже не моргнув.

— La Flor del Desierto, — добавил я холодно. — Цветок пустыни. Значит, слухи не врали… Ты действительно хороша. Слишком хороша, чтобы быть просто бесплотным слухом.

Её губы дрогнули в дерзкой, почти вызывающей насмешке.

— Обычно меня называют иначе… Синьорита де Фуэго — произнесла она. — Но ты можешь звать меня по имени, Анджело Ломбарди.

Слишком смело. И слишком уверенно для женщины, пришедшей в дом заклятого врага своей семьи без охраны.

— Ты понимаешь, где находишься? — спросил я, выразительно посмотрев вокруг.

— О, не беспокойся, я понимаю… Я в личных покоях всесильного дона Каморры — издевательски протянула она. И добавила уже серьезно: — Я в доме единственного человека, который достаточно силён, чтобы защитить меня.

— Или уничтожить.

— Именно поэтому я здесь.

Я медленно скрестил руки на груди.

— Итак. Ты врываешься в мой дом, — неторопливо начал я — предлагаешь себя…

— И что ещё ты можешь мне предложить, кроме своего сексуального тела и того, что будешь греть мне постель? Это я могу получить в любом месте. В любую ночь.

Тициана надменно вскинула голову.

— В другом месте ты не встретишь женщину, такую же красивую, как я — резко бросила она. — А ты любишь красивых женщин. Но ты прав…. Я предлагаю тебе не только себя. Я предлагаю тебе информацию.

— Какую? — уточнил я, стараясь не показывать, что ей удалось пробудить мой интерес.

— Маршруты поставок, — отчеканила она. — Имена. Схемы. Склады. Оружие идёт через порты Веракрус и Тамаулипас, контейнеры оформляют как сельхозоборудование или запчасти для буровых установок. Чистые бумаги и настоящие печати. Проверки проходят по графику, людей на таможне меняют заранее. Никто не задаёт лишних вопросов. А если задаёт… — её губы дрогнули в едва заметной усмешке, — он долго там не работает.

Я молчал и слушал, позволяя ей говорить.

— Деньги уходят иначе. Не напрямую — продолжала Тициана — Через подставные компании в Техасе и Майами. Строительные фирмы, логистика, фиктивные благотворительные фонды. Красивые сайты, отчёты, фотографии улыбающихся детей. Всё выглядит безупречно. Часть денег возвращается наличными, часть — криптой. Следы операций размывают медленно и аккуратно — девушка подняла глаза, и в них мелькнуло что-то острое, злое — чтобы ни у кого не возникло желания копать глубже. Людям нравится не видеть.

Я все еще не произнес ни слова, и Тициана нетерпеливо подошла ближе:

— Я знаю посредников — сказала она тише. — Тех, кто стоит между оружием и улицей. Между деньгами и картелем. Я знаю, кто из людей моего отца готов предать его за правильную сумму… А кто — из страха.

— Мне известно, кто боится потерять любовницу, — она сделала еще один шаг ко мне. — Кто трясется за сына, а кто — за свой бизнес на границе. Я знаю, где они пьют, кому звонят ночью и что скрывают от охраны.

— И еще… Мне помогал мой дядя, Аурелио де Фуэго — добавила она. — Он ненавидит моего отца так же сильно, как я и ты. И если ты согласишься, он поможет тебе так же, как помог мне выбраться из Мексики.

— Интересно, — произнёс я. — Но это всё ещё не объясняет, почему ты ищешь союзника во мне.

Её взгляд потемнел:

— Потому что я хочу, чтобы ты убил моего отца. Только ты достаточно безумен, чтобы пойти на это. Этой войны все равно не избежать, но ты можешь победить… А я могу помочь…

Слова повисли между нами, оставив в тишине терпкий привкус недосказанности.

— Почему? — спросил я. — И не вздумай лгать.

— Потому что он убил мою мать, — сказала она ровно. — Годами я видела, как он избивал ее, унижал и жестоко насиловал. И наконец, убил. В тот день я пыталась остановить его, но он избил и меня. Мама умирала от побоев, а он даже не остановился, чтобы проверить, жива ли она.

Я пристально вглядывался в ее холодное лицо. Фальши не было.

— Он бил и меня, — продолжила Тициана. — А теперь пообещал меня Хавьеру Кальдерону, лидеру картеля Халиско… старому садисту, который хоронит своих жен в своем саду. Мое тело всего лишь плата за союз двух семей. Я — товар.

Её пальцы сжались в кулаки.

— Я не выйду за него. И не позволю отцу уничтожить будущее моей младшей сестры, Эсмеральды. Ей всего шестнадцать. И если отец будет жить, он продаст и ее.

— А если я просто возьму то, что ты предлагаешь — медленно сказал я, — и верну тебя отцу?

Тициана побледнела, но ее голос остался твёрдым.

— Я знаю, кто ты, Анджело Ломбарди. Ты самый кровавый Дон в истории Каморры. Ты жестокий убийца и психопат. Но ты не насилуешь женщин.

— И как благородная девушка соглашается на роль любовницы? — спросил я. — Тебя берегли всю жизнь. Охраняли. Твоя девственность была твоей ценностью. И ты так легко готова отдать её врагу?

Она выпрямилась, словно собирая в себе остатки гордости, и в её глазах вспыхнуло настоящее пламя.

— Лучше я пересплю с тобой — отчётливо сказала Тициана — молодым, сильным мужчиной, который знает, как обращаться с женщинами, чем позволю отцу продать меня старику. Он хотел продать мою невинность. Я решила продать её сама. На своих условиях.

Тишина стала гнетущей.

— Я знаю, ты не будешь со мной жесток. Так что… Это невысокая плата — добавила она тише, — если ты убьёшь моего отца и спасёшь мою сестру.

— И да, ты никогда в жизни не сделаешь для него ничего в качестве одолжения или жеста доброй воли — резко бросила она, прежде чем я успел ответить. — И мы оба это знаем.

Её глаза вспыхнули ещё ярче:

— Мой отец уже пытался тебя убить и подослал снайпера. Ты выжил только потому, что Стефано Бьянки закрыл тебя собой. И он едва не погиб.

Во мне дёрнулось что-то очень тёмное и горячее. Гнев поднялся мгновенно, как волна, ударил в грудь и сжал горло. На долю секунды я снова вернулся в тот день: яркое солнце и безоблачное синее небо, Стефано, растянувшийся на земле в саду, и быстро расползающееся красное пятно на его рубашке. Я стиснул челюсть, заставляя себя дышать.

— Развязать войну ради одной женщины — слишком высокая цена — холодно ответил я, беря себя в руки. — Возможно, я могу вернуть тебя твоему жениху. И заключить союз с ним.

Тициана отступила, а в следующее мгновение в ее руке блеснуло лезвие. Маленький, изящный нож, который она выхватила из-за пояса и приставила к собственной шее. Острие вонзилось в кожу, и на ней выступила крошечная капля рубиновой крови.

— Я скорее убью себя, чем вернусь к нему! — закричала она — Я лучше умру, чем снова стану разменной монетой в чужой игре!

Я не думал. Сработали инстинкты, отточенные годами насилия и борьбы за выживание. Бросившись на нее, я схватил запястье и резко повернул. Девушка вскрикнула от боли, и нож с глухим стуком упал на персидский ковер.

Она отчаянно вырывалась и брыкалась. Но я был слишком силен для нее. Обхватив ее руками, я толкнул девушку назад — к массивной кровати из черного дерева. Удерживая Тициану одной рукой, второй я потянулся к прикроватной тумбочке и достал из ящика наручники, которые вообще-то, хранил там немного для других целей. Холодная сталь защелкнулась вокруг ее тонкого запястья, приковав ее к резному изголовью.

Она замерла, тяжело дыша, грудь вздымалась под тонкой тканью рубашки. Ее необыкновенные глаза метали молнии и были полны такой жгучей ненависти, что от нее могло закипеть море.

— Ты пожалеешь об этом, — прошипела она, и каждый звук был пропитан ядом.

Я уже был у двери, но обернулся и лениво оглядел её — разъярённую, скованную и невыразимо прекрасную.

— Я подумаю, Цветок пустыни, — бросил я. — Я ещё вернусь. Постарайся не слишком скучать без меня.

Я хлопнул дверью, не скрывая усмешки и наслаждаясь выражением бешенства на её лице, — смесью ярости, уязвленной гордости и желания свернуть мне шею.

А в моей спальне, на моей кровати осталась Тициана де Фуэго — женщина, которая пришла ко мне не просить защиты, а купить смерть.

И я уже знал: если я соглашусь на сделку, этот цветок либо сожжёт мой мир дотла, либо станет причиной самой кровавой войны, которую Каморра когда-либо вела.

ГЛАВА 1

Тициана.

«В нашем мире есть только два пути: стать жертвой или стать оружием. Третьего не дано».

Мне было шестнадцать, когда я окончательно поняла, что ад существует не в религиозных книгах, не в проповедях священников и не в страшных сказках, которыми пугают детей. Ад существовал здесь. В стенах дома, где я родилась и выросла.

Он дышал вместе с нами, ел с нами за одним столом, пил текилу из тяжёлого хрустального графина и носил фамилию де Фуэго.

Асьенда де Фуэго "Огненный каньон" в штате Сонора была моей тюрьмой и моим миром. Бесконечные пустынные горы, выжженные беспощадным солнцем, окружали особняк, словно естественная крепостная стена. Днем он был прекрасен — охристые стены, увитые пурпурной бугенвиллией, фонтаны во внутреннем дворике, в которых журчащая вода лениво переливалась, отражая небо. Тонкий аромат цветущего жасмина смешивался с запахом жареной кукурузы с кухни. В слепящем свете солнца асьенда казалась раем... Но с наступлением сумерек особняк сбрасывал маску. Тени удлинялись, коридоры наполнялись шёпотом, а каждый скрип пола был предупреждением. Свет свечей дрожал, и казалось, что стены наблюдают за нами. Ночью наш дом превращался в склеп с призраками. И в нем просыпалась его самая печальная обитательница — наша мать — призрак, который еще жил и дышал. Я часто слышала, как она бродила кругами, словно загнанная лошадь, и нашептывала обрывки молитв, будто пытаясь связать разорванную нить своей жизни. И это пугало меня до дрожи и ужаса. Я боялась той покорности, что светилась в ее пустых глазах. Она была живой картой поражения, которую мне вручала судьба. Смотреть на нее было все равно, что смотреть в кривое зеркало, показывающее мой конец, если я не сбегу, не сломаю эти стены, не спалю эту проклятую крепость дотла вместе с ее тюремщиком.

Моим единственным светом в этой непроглядной тьме была Эсмеральда, моя младшая сестра. Ей было четырнадцать, и она до сих пор верила, что за отцовской строгостью скрывается что-то, кроме ледяного расчета и жестокости. Для отца же она была идеальной инвестицией с уступчивым характером и красотой, которая обещала в скором времени расцвести и принести дивиденды. Бальтазар де Фуэго не ведал любви — лишь право собственности. И Эсмеральда, хрупкая, с сине-зелёными глазами — безднами, унаследованными ею и мной от матери, была активом, не доставляющим хлопот. И хотя внешне мы с Эсмеральдой были очень похожи, её мягкость и покорность служили ей щитом — отец видел в ней отражение собственной воли, а потому его ярость обходила её стороной. В отличие от меня. Её покорность его умиротворяла. Моё же неповиновение было красной тряпкой для быка, за что я часто расплачивалась.

Я защищала ее от правды, как могла. Кормила её сладкими чурросами, которые воровала с кухни поздно вечером, — если ей было грустно, и прятала сестру в своей спальне, когда по коридорам начинал разноситься рёв отца.

Рёв, который всегда был предвестником боли.

«Изабелла!»

Его голос, похожий на раскат грома над пустыней, прорезал тишину ночи. Я прижимала Эсме к себе, затыкая ей уши ладонями, но мы все равно слышали. Глухой звук падающего тела. Приглушенные мольбы матери на испанском, быстрые, отчаянные и прерывающиеся.

«Por favor, Balthazar… no más… por el amor de Dios…» («Пожалуйста, Бальтазар… хватит… ради всего святого…»)

А потом мы всегда слышали то, что я ненавидела больше всего на свете. Сильные, резкие звуки ударов, от которых в страхе сжималось сердце. И крик… Крик, который обрывался на полуслове.

Эсмеральда тихо плакала у меня на плече.

— Она опять сделала что-то не так? — всхлипывала она.

— Нет, mi corazón (мое сердце) — целовала я её макушку, чувствуя, как во мне поднимается горячая, опасная ярость.

— Она никогда не делала ничего плохого. Это он… он просто монстр.

Моя мать, Изабелла де Фуэго, всегда молилась перед сном. Она становилась на колени у кровати, даже если едва могла стоять от побоев, и шептала слова, в которые верила больше, чем в саму себя. Она думала, что если достаточно долго просить, Бог обязательно услышит. Я же перестала верить рано. В тот момент, когда поняла: Бог не живёт в этом доме. И никогда не жил. Но мама продолжала скрывать синяки под длинными рукавами, улыбалась днём и плакала ночью. Говорила, что отец когда-то был другим. Я не понимала ее, но не спорила. Я запоминала. Потому что знала, что такие люди, как Бальтазар де Фуэго, не меняются. Они только становятся увереннее.

ГЛАВА 2

Тициана.

«Если тебя называют “честью семьи” — значит, тебя уже продали.»

Год спустя, за месяц до моего семнадцатилетия, отец сообщил нам за завтраком, что устроит такое пышное торжество, которое затмит все прошлые и будущие празднества в штате Сонора. И с того дня у меня в груди родилась и все время жила глухая, необъяснимая тревога. Она сжимала сердце холодными пальцами каждую ночь, не давая уснуть. Это было даже не предчувствие — это было знание. Знание зверя, который чует капкан за милю.

И я не ошиблась. Это был не мой день рождения. Это был аукцион, где я стала главным лотом.

В день икс наша асьенда «Огненный Каньон» утопала в свете огней и звуках музыки. Отец расстарался, и в патио, увешанном тысячами бумажных фонариков, гремели две группы мариачи, соревнуясь в громкости. В воздухе одновременно улавливался и густой дым от открытых грилей, на которых жарились туши аль-пастор, и терпкий аромат выдержанной текилы, и сладковатая вонь дорогих сигар и пудры смущенных жен. Весь цвет, впрочем как и вся грязь северных штатов, собрался у нас в поместье. Капитаны отца, его партнеры по преступному бизнесу, даже судьи, которых он купил. Каждый мужчина смотрел на меня оценивающе. Я была гвоздем его программы.

На мне было платье, которое отец лично выбрал для этого вечера. Он бросил большую коробку на мою кровать утром со словами: «Это платье идеально подойдет к твоим глазам. Покажи им, из какого теста сделаны женщины де Фуэго». Роскошный шелк цвета тропической морской бездны, такого насыщенного, что в тени он казался почти черным. Глубокий вырез обнажал плечи и ключицы, туго стянутый корсет приподнимал грудь и делал талию еще тоньше, а узкая юбка подчеркивала каждую линию тела. По указанию отца горничная сделала мне прическу: длинные черные волосы спускались по плечам и спине волнистыми локонами, но с одной стороны их подхватывала тонкая, изящная золотая нить, вплетенная в височную прядь. Я чувствовала себя экспонатом, тщательно подготовленным к демонстрации. Весь мой облик словно кричал: «Смотрите. Это товар высшего качества».

Мама помогла мне одеться. Ее пальцы были холодны и дрожали, когда она застегивала бесчисленные крючки на моей спине. Как и всегда мама была в дорогом платье и идеально накрашена, ведь яркий макияж и изысканный наряд отлично скрывают синяки под слоем тонального крема и длинными рукавами.

— Te ves hermosa, mi vida (Ты выглядишь прекрасно, жизнь моя) — прошептала она едва слышно, и в ее глазах стояли слезы.

Отец был неестественно оживлен, щедр и почти ласков со мной и Эсмеральдой. Он похлопывал гостей по спинам, смеялся громче обычного и разливал текилу, словно радушный хозяин. И именно это настораживало больше всего. Я знала своего отца слишком хорошо и видела, что в глазах, когда он смотрел на меня, светился не родительский восторг, а холодный, расчетливый блеск. Так Бальтазар де Фуэго выглядел, когда подводил итоги выгоднейшей операции.

— Зелёный — цвет плодородия, — произнес он, подойдя и оценивающе оглядывая меня с головы до ног, как лошадь перед продажей. — И цвет денег. Тебе идёт.

И конечно же, здесь был Эстебан. Мой сводный брат. Незаконнорожденный сын отца от какой-то девицы, появившийся на пороге особняка три года назад. Отец привез его, приказал

горничным подготовить для него одну из лучших комнат, а за ужином указал на него и объявил будничным тоном:

— Это мой сын Эстебан и ваш будущий jefe (лидер). Теперь он будет жить здесь и вы должны принять его.

Тогда эта выходка отца стала очередным публичным, сокрушительным оскорблением для моей матери, но она даже не подняла головы, покорно смотря в свою тарелку. А у меня появилась тень, которая с тех пор не отставала ни на шаг.

Эстебану, как и мне, было семнадцать. Высокий, как отец, но тощий и нескладный, с жилистыми руками и взглядом крысы, которая высматривает крошки. Он по обыкновению стоял чуть позади отца, изо всех сил стараясь выглядеть устрашающе и свирепо. В его черных, блестящих глазах обычно не отражалось ничего, кроме алчности и жестокости. Но в этот день его жадный и липкий взгляд ползал по мне. От открытых плеч — к линии корсета и ниже к бедрам, и затем снова вверх — к губам. Эстебан противно облизнул губы языком, когда мой взгляд на секунду встретился с его. В его ухмылке явно читалось: "*Ты думаешь, ты королева? Ты всего лишь женщина. А женщины в этом мире либо продаются, либо берутся силой.*"

Я резко отвернулась, чувствуя тошнотворную волну отвращения. Именно в этот момент во дворике наступила мгновенная, звенящая тишина. Мариачи замолчали на полуслове, оборвав куплет очередной серенады.

Прибыл тот, ради кого в действительности и разыгрывался этот спектакль. Дон Хавьер Кальдерон и его свита. Лидер картеля Халиско, о союзе с которым так безуспешно мечтал мой отец.

Справа от него, отставая всего на полшага, шел его старший сын и наследник, Мигель Кальдерон — мужчина лет тридцати пяти с таким же жирным, сырым лицом, как у отца, но с более хитрыми и циничными глазами. За ними неотступно следовали восемь телохранителей — не просто солдаты, а элита, так называемые «Cuervos» (Вороны). Безликие фигуры в идентичных темно-серых костюмах, с коротко стриженными волосами и пустыми глазами, которые сканировали толпу, не различая в ней отдельных людей, только потенциальные угрозы. В руках самого крупного из них, со шрамом на правой щеке, я заметила красивую резную шкатулку из черного дерева.

Хавьеру Кальдерону было под шестьдесят, и время обратило его тело в расплывчатый, влажный комок плоти, затянутый в тугой, слишком светлый костюм. Он тяжело дышал, вытирая платком пот с жирного лба и лысеющей головы. Его маленькие глазки-щелочки бегали по гостям, пропуская лица, пока не остановились на мне. Надолго.

Губы растянулись в улыбке, обнажив желтые, неровные зубы. Взгляд его холодных жабьих глаз стал тяжелым и собственническим, будто он уже срывал с меня это зеленое платье своими толстыми пальцами. Его сын, Мигель, оценивающе скользнул взглядом по моей фигуре, но в его улыбке не было ни капли искренности — только холодный интерес и вежливая любезность.

Отец поднял бокал и звон хрусталя разорвал тишину:

— За этим столом нет посторонних— его голос гремел, полный фальшивого энтузиазма. — И сегодня мы празднуем день рождения моей старшей дочери, Тициаиы! Ее красота и грация — гордость нашего дома и нашей семьи!

Он сделал паузу, вслушиваясь в одобрительные возгласы своих людей. Мама рядом со мной замерла, превратившись в неподвижную статую. Ее пальцы впились в мою ладонь так сильно, что я почувствовала боль.

— Но сегодня — продолжил отец, и его тон внезапно стал жестким и деловым, утратив показное радушие, — мы празднуем не только это! Мы скрепляем будущее! Я, Бальтазар де Фуэго, с гордостью и честью объявляю о союзе, который сделает нас непобедимыми!

Внутри у меня все оборвалось. Легкие перестали втягивать воздух. Сердце заколотилось с такой бешеной силой, что боль ударила в виски. Это было не предчувствие. Это было пророчество. Холодное и слепящее, как удар ножа под ребра.

— Моя дочь, моя плоть и кровь, моя честь, Тициана де Фуэго, обещана дону Хавьеру Кальдерону!

В это мгновение мир рухнул. Звуки растворились в оглушительном гуле в ушах. Я видела, как губы отца двигаются, но слова доносились до меня, словно из-под толщи воды. «Обещана… Кальдерону…». В нашем мире это были не просто слова. Это был приговор мне. Звон моего погребального колокола. День рождения превратился в мои похороны. При жизни. При всех.

Застыв от ужаса я смотрела на мать. Ее глаза, такие же сине-зеленые, как мои, но давно потухшие, были полны такого отчаяния и стыда, что мне стало физически больно. Поспешно отвернувшись от нее, я нашла взглядом сестру. Эсмеральда стояла чуть поодаль и ее ангельское личико было белым как мел. Рот был приоткрыт от неверия, а в огромных глазах плескалась чистая, детская паника, быстро сменяющаяся слезами. Она смотрела на меня, и в ее взгляде читался немой крик: «Тита, нет! Они не могут!»

Рядом с Эсме стоял мой дядя Аурелио и в его глазах плескался яростный гнев, невысказанная боль и самое страшное — беспомощность. Он сжал кулаки, но… не двинулся с места. Он знал цену любого протеста в этом доме. И его взгляд сказал мне больше, чем слова: «Прости. Я бессилен».

— Через год, когда она достигнет совершеннолетия, — гремел отец поверх шума, — мы объединим наши дома! Ее красота, ее чистота и ее верность станут цементом нашего мира и нашей мощи на поколения вперед!

Довольная толпа взорвалась притворными овациями. Я стояла, парализованная, и чувствовала, как зеленый шелк платья, выбранного отцом для этой пытки, душит меня. Я не могла дышать. Не могла пошевелиться. Он только что публично похоронил меня, и все аплодировали.

Пространство вокруг меня схлопнулось, и в центре черной дыры остался только он: жирный, пожилой мужчина, который, сияя животной, торжествующей радостью, тяжело ступал ко мне через толпу. От него пахло потом и дорогим, удушающим одеколоном со сладковатой ноткой мертвечины и влажной земли. Как от свежевырытой могилы.

— Mi flor prometida… (Мой обещанный цветок) — прохрипел он, хватая мою руку своими толстыми влажными пальцами.

Его губы были мокрыми, мясистыми и невероятно холодными, когда он прижался к моей щеке, продолжая этот похожий на укус поцелуй слишком долго. Его дыхание пахло коньяком и больными деснами, и я почувствовала сильный приступ тошноты.

— Наконец-то росток стал цветком, — прошептал он так, что слышала только я. — И совсем скоро я сорву его..

Он щелкнул пальцами, не отпуская моей руки. Охранник с шрамом немедленно шагнул вперед и протянул боссу шкатулку, которую все время держал наготове. Кальдерон открыл ее одной рукой.

Внутри, на черном бархате, лежало колье. Чудовищное творение из чистого, тусклого золота в форме двух сплетенных гремучих змей. Их чешуя была выгравирована с болезненной точностью, а глаза — изумруды сияли хищным блеском. Колье было безвкусным, варварским и баснословно дорогим.

— Королевский дар для моей невесты — провозгласил он на всю округу, беря ожерелье. Его пальцы грубо отодвинули мои волосы, касаясь шеи. Металл показался мне ледяным. Кальдерон защелкнул замок.

— Носи его. Как напоминание о том, кому ты теперь принадлежишь, — прошипел он мне в ухо, и его взгляд скользнул по моему вырезу, оставляя ощущение жирного пятна.

Я искала своим взглядом взгляд отца. И когда нашла, впервые в жизни умоляла и беззвучно шептала: «Папа… пожалуйста… не надо…»

Он видел. И в его глазах не было ничего. Ни искры жалости, ни тени сомнения. Только ледяное удовлетворение от блестяще проведенной сделки. Рядом с ним гадко ухмылялся Эстебан, он одинаково наслаждался и моим унижением и триумфом отца, впитывая урок: вот как обращаются с женщинами. Вот как обращаются с бесправной собственностью.

Пир продолжался. Я стояла, улыбаясь онемевшими губами, когда Кальдерон отошел обсудить с отцом какие-то дела. И пока я пыталась незаметно сделать глоток воздуха и вернуть себе самообладание, Эстебан подошел сзади так близко, что я почувствовала его дыхание на своей обнаженной спине.

— Qué vista, hermanita (Какой вид, сестренка), — издевательски прошептал он, и провел пальцем по моему позвоночнику от самой талии вверх, к краю корсета. — Смотрю на тебя и думаю… Жаль, что такой деликатес достанется старому псу. Сможет ли он оценить вкус? Он знает, что с этим делать? Или просто… сломает, словно красивую игрушку?

Отвращение, острое и ядовитое, подкатило к горлу. Но я не отпрянула и не выдала своих истинных чувств. Я медленно повернулась к нему, высоко подняв подбородок. В его глазах горела та самая грязная, хищная искра, которую я знала слишком хорошо. Что ж, братец…

— Tienes razón, Esteban (Ты прав, Эстебан), — сказала я настолько громко, что несколько ближайших гостей удивленно обернулись. Моя улыбка была ледяной и сладкой. — Это очень важные вопросы. Вопросы владения, компетенции… Понимаешь?

Он на мгновение опешил, не понимая, что я задумала. Но я не собиралась ждать, пока он придет в себя. Повернулась и сделала несколько шагов к Кальдерону, который стоял с отцом у фонтана.

— Дон Хавьер! — мой громкий голос прорвался сквозь остальной гул, и оба мужчины уставились на меня. — Я прошу прощения, что прерываю вас. Но, кажется, мой брат, Эстебан, горит желанием что-то вам сказать. Или, может быть, возразить.

Я оглянулась и жестом пригласила Эстебана, застывшего на месте. На его лице застыла смесь злобы и паники.

— Он очень внимательно изучил условия нашей… сделки, — продолжила я, делая ударение на последнем слове. — И у него появились некоторые мысли. Возможно, насчет того, кто и на что имеет право. Он только что делился со мной своими… сомнениями по поводу вашей способности оценить приобретение по достоинству. Правда, hermano (братишка)?

Тишина, воцарившаяся вокруг, была оглушительной. Отец смотрел на Эстебана глазами, в которых вспыхнула молчаливая гроза. Кальдерон медленно, как массивный бульдозер, развернулся и двинулся к Эстебану. Его и без того маленькие глазки сузились до щелочек.

— Это правда, юноша? — дон Хавьер говорил тихо, но в этой тишине его голос все равно прозвучал слишком громко. — У тебя есть ко мне вопросы? Или к моему праву?

Эстебан побледнел, и на его лбу выступили капельки пота. Он отступил на шаг, его бравада испарилась, как дым.

— Н-нет, дон Хавьер… Конечно нет… — забормотал он, бросая на меня взгляды, полные немой ярости. — Моя сестра неправильно поняла! Я просто… поздравлял её!

— Поздравлял? С таким видом, будто тебе только что отрезали лучший кусок? — мягко, но ядовито вставила я, наслаждаясь его жалким видом. — Странное у тебя поздравление, Эстебан. Очень… личное.

Кальдерон презрительно фыркнул и шагнул так близко к Эстебану, что тот втянул голову в плечи.

— Запомни раз и навсегда, щенок, — прошипел Кальдерон так, что слышали только мы трое. — То, что принадлежит мне, больше не пахнет домом де Фуэго. Оно пахнет мной. И если я еще раз замечу твой взгляд на своей собственности, ты будешь смотреть на мир через пустые глазницы. Понял?

Эстебан кивнул, не в силах выдавить ни звука от страха. Слюна блестела в уголке его рта.

— Да, дон Хавьер. Простите меня.

Потеряв к нему интерес, Кальдерон повернулся ко мне, и его лицо снова расплылось в улыбке, от которой по коже побежали мурашки.

— Мой цветочек еще и умна, — произнес он, беря меня под руку с показной нежностью. — Умеет защищать интересы своего хозяина. Хорошая черта.

Я позволила ему увести себя, чувствуя, как его пальцы впиваются мне в локоть. Я отомстила Эстебану, подставив его словно муху под гнев паука. Это была крохотная, горькая победа. Но победа. Впервые за вечер я почувствовала не только лед, но и огонь внутри — огонь ненависти, который можно было направлять на своих врагов. Эстебан боялся Хавьера Кальдерона. И хотя бы от сводного брата я теперь была в безопасности. И это было то немногое, что у меня было.

Этот вечер, казалось, длился целую вечность. Я стояла, улыбаясь онемевшими губами, чувствуя, как взгляд Кальдерона каждый раз клеймил меня. Я ощущала себя живым трупом в зеленом шелке, а все вокруг пировали на моей могиле. Только глубокой ночью, когда последние пьяные гости уехали, а музыканты, наконец, замолчали, я нашла в себе силы действовать. Сорвав с шеи омерзительное колье, я ворвалась в кабинет Бальтазара де Фуэго, забыв постучать.

Отец стоял у массивного стола, наливая себе бурбон. Эстебана в кабинете не было — к счастью.

— ¡Papá, estás completamente loco! (Папа, ты сошел с ума!) Ты не можешь! — мой голос сорвался на хриплый шепот, полный ярости и ужаса. — Все знают, что он делает со своими женами! Он их бьет! Издевается! Консуэлла, его последняя жена… ее нашли в колодце в его же саду со сломанной шеей! Я не стану следующей!

Отец медленно повернулся. Его лицо было спокойным, почти скучающим. Он отхлебнул виски.

— Все знают? — переспросил он тихо. — Отлично. Значит, ты будешь точно знать, с кем имеешь дело. И будешь вести себя соответственно. Уважительно. Покорно.

— Я скорее умру!

— Смерть — это избавление, дочь — отрезал он холодно. — Я предлагаю тебе жизнь. Жизнь в роскоши и власти. Ты будешь женой одного из самых могущественных людей в стране.

— Я буду его пленницей!

— Женщина твоего статуса должна быть полезной — прошипел он, со стуком ставя стакан на стол. — Хавьеру нужно красивое молодое тело в постели и здоровая утроба для будущих наследников. А мне — его грузовики на моей территории, и его солдаты за моей спиной. Это

простая арифметика. Ты — переменная в уравнении, Тициана. Дорогая, красивая, роскошная, но… всего лишь переменная.

Я задыхалась. Прекрасный наряд, достойный королевы, сдавливал грудь и теперь казался саваном.

— Ты продаешь меня мяснику — выдохнула я. — Свою же кровь.

Отец в два шага преодолел расстояние между нами. От него пахло алкоголем и дорогими сигарами:

— Я распоряжаюсь тем, что мне принадлежит. Твоя красота, твое тело, твоя проклятая невинность — все принадлежит мне. И твой долг, как дочери, принять мое решение и выполнить его с честью.

Он поднял ладонь, и я замерла, ожидая удара. Но отец лишь провел холодными пальцами по моей щеке, и это прикосновение было отвратительнее любой пощечины.

— А если ты так боишься его постели, — его голос внезапно стал омерзительно вкрадчивым — значит, тебе лучше постараться. Быть умной и… усердной. Научись ублажать своего мужа как следует, Тициана. Может, тогда он оставит тебя в живых… подольше.

Терпение во мне лопнуло.

— Я ненавижу тебя, — зло выкрикнула я прямо отцу в лицо — И я никогда не позволю ему прикоснуться ко мне.

Резкая, жгучая боль рассекла щеку. Удар тыльной стороной ладони был настолько сильным, что я отлетела к стене, ударившись плечом о резную дубовую панель. Во рту появился солоноватый привкус крови.

— Никогда — это слово для слабаков — его лицо склонилось над моим. — А ты моя дочь, ты — де Фуэго. И еще ты — моя вещь. Вещи не имеют права говорить «никогда».

Отец спокойно выпрямился, поправляя манжет.

— И пока ты здесь лежишь и жалеешь себя, вспомни об Эсмеральде — его голос упал до леденящего шепота. — Ей пятнадцать. Она тоже цветет. И если ты ослушаешься меня, если опозоришь эту помолвку… Ее судьба может стать куда более печальной, но не менее обязательной. Тебя отдают королю. Но если ты опозоришь семью, то… Что захочет король взамен?... Ты меня понимаешь?

В его глазах не отражалось ничего. Ни любви, ни ненависти. Только абсолютная, бездушная расчетливость. Я давала ему существенный перевес на весах власти, но если понадобится, на другую чашу весов он без колебаний бросит свою младшую дочь.

Я не помнила, как выбежала из кабинета. Проклятое платье цеплялось за ноги, тяжелые золотые змеи на шее, казалось, впивались в кожу. Я бежала по темным коридорам, задыхаясь от рыданий и ненавидя отца так сильно, что если бы в это мгновение в моей руке появился пистолет, я спустила бы курок без колебаний.

В моей спальне, освещенная лишь лунным светом, сидела Эсмеральда. Она ждала меня, сидя на кровати и обхватив колени, ее прекрасное лицо было мокрым от слез. В ее сияющих глазах читался немой вопрос и предчувствие беды.

— Тита? — ее голосок дрожал. — Это… это правда? Он… Он отдает тебя тому… тому монстру?

Я подошла к сестре, упала на колени перед кроватью и схватила ее холодные руки в свои. След от пощечины горел на моей щеке, а в уголке губ запеклась кровь.

— Слушай меня, Эсме. Я никогда. Ты слышишь? Никогда не стану женой этого старого ублюдка. И я не позволю, чтобы с тобой случилось что-то подобное. Никогда.

Эсмеральда смотрела на меня, и ее умоляющий взгляд цеплялся за мою решимость, как утопающий за соломинку.

— Но что мы можем сделать? — прошептала она. — Он… он всем распоряжается.

Я поднялась и подошла к окну. Внизу, в темноте, патрулировали территорию вооруженные люди моего отца. «Огненный Каньон» был настоящей крепостью. И нашей тюрьмой.

— Я что-нибудь придумаю — произнесла я в темноту, глядя на далекие огни города. — Я поклялась себе. И клянусь тебе. Мы сбежим. Или…

Я не договорила. Но мысль, беспощадная и жестокая, уже поселилась во мне. Мы сбежим… Или я уничтожу того, кто решил погубить наши жизни. Даже если это мой собственный отец.

Мы обнялись, две потерянные души в огромном, враждебном доме, придавленные тяжелым грузом будущего. Но в тот миг, в тишине комнаты, во мне родилось нечто новое. Не просто ненависть. Не просто страх. Я ощутила решимость. Решимость бороться за себя и Эсмеральду, за нашу свободу. И готовность заплатить за нее любую цену.

ГЛАВА 3

Тициана.

“Когда на тебя охотится лев, не беги от него — приведи к нему другого льва.

Война между хищниками — единственный шанс для добычи выжить и стать охотником.”

Неделю спустя, на седьмую ночь после фиесты, которая похоронила меня заживо, моя жизнь окончательно и бесповоротно разбилась.

Я носила ненавистное змеиное колье, как мне и было приказано. Но каждый раз, надевая его, я чувствовала, как холодные изумрудные глаза словно проникают под кожу, напоминая о будущих объятиях их хозяина.

В ту страшную ночь луна над Сонорой была огромной и кроваво-рыжей — *luna de sangre* (кровавая луна), как шептались между собой суеверные слуги. Дурное предзнаменование. Я бродила по внутреннему патио, пытаясь заглушить неясную тревогу и впитывая долгожданную прохладу ночи. Воздух приятно пах кактусами *пейотль*и далёким дымом от костров скотоводов. И вдруг эту умиротворяющую тишину пронзил крик.

Скорее даже не крик, а вой. Так кричит смертельно раненное животное, разрывающее глотку в мучительной агонии. И этот крик доносился из спальни родителей.

Я бросилась туда, не думая. Резная дубовая дверь была приоткрыта, и из щели лился тусклый свет канделябра, смешанный с красноватыми отблесками камина.

Картина, которую я увидела, заставила похолодеть мою кровь и навсегда врезалась в память.

Мой проклятый отец стоял над матерью, и его тень плясала на стенах. Не человек, но живое воплощение слепой, пьяной ярости. Он снял рубашку, так что я видела, как мышцы напрягались буграми под кожей, блестящей от пота и крови.

А мама… Моя прекрасная, хрупкая, несчастная мама была уже не женщиной, а скомканной тряпичной куклой на персидском ковре. Её белая ночная рубашка свисала с тела рваными клочьями, обнажая сине-багровые пятна. Она уже не молилась. Она захлебывалась и издавала хриплые, булькающие звуки.

— Хватит, ради бога, Бальтазар! Наши девочки…! — её шепот был едва различим.

— Заткнись, грязная сука! Я знаю… Знаю, как ты на него смотришь! Я всегда знал!...

Отец занес руку и ударил снова — резко, с холодной расчетливостью, вкладывая в это движение всю свою ненависть и жестокость. Сжатый кулак обрушился на слабое тело, и я услышала глухой, влажный хруст, от которого внутри всё оборвалось. Ребро. Он снова сломал ей ребро. В комнате запахло медью, текилой и удушающим страхом, от которого хотелось кричать, но горло не могло издать ни звука.

И в то мгновение что-то внутри меня лопнуло, и вспыхнула бешеная бурлящая ярость. Она ослепила меня, и я забыла про всё. Я была просто дочерью, видящей, как убивают её мать.

— ОСТАНОВИСЬ! — крик наконец вырвался из моей груди.

Я бросилась вперёд, вцепившись в его залитую кровью руку. Я кусала и царапала его, висла на нем всем телом, пытаясь оттащить отца от матери.

— Отстань, проклятая! — рявкнул он, и его взгляд, мутный от бешенства, упал на меня. И в этом взгляде монстра не было ничего человеческого.

Отец легко отшвырнул меня одной рукой, и я ударилась спиной о резной комод. Забыв про меня, он снова повернулся к своей жертве. Моя попытка остановить бешеного пса лишь добавила масла в огонь.

— Видишь! Даже моя дочь тебя защищает! Моя же кровь восстала против меня!

Он схватил мать за волосы, уже слипшиеся от крови, и с рычанием ударил её головой о резной мраморный угол камина. Раздался глухой стук, и тело матери обмякло и сползло на пол. Её красивые глаза были широко открыты. Они смотрели прямо на меня, но уже не видели. На тонком лице застыло изумление, как будто мама до последнего не верила в то, что отец лишил ее жизни.

В следующую секунду дверь с грохотом распахнулась и ворвался Аурелио де Фуэго.

Мой дядя, младший брат отца. Его волосы были всклокочены, одежда в беспорядке. Он застыл на пороге, увидев брата, стоящего над телом. Взглянул на меня. И, наконец, его растерянные глаза нашли её , и лицо дяди исказилось гримасой абсолютного ужаса. Издав сдавленный, животный стон, Аурелио бросился вперёд и упал на колени в лужу крови. Его дрожащие пальцы потянулись к лицу мамы.

— Ты… — он поднял голову, тяжело дыша, в его темных глазах плясало адское пламя. — ТЫ УБИЛ ЕЁ! УБИЛ ИЗАБЕЛЛУ!

Бальтазар неспешно вытер окровавленные костяшки пальцев о шёлковую занавеску. Он даже не взглянул на тело убитой им жены. Его взгляд скользнул по брату, и на губах заиграла уродливая, торжествующая усмешка.

— Плачешь, братец? Как всегда, опоздал. Ты пришел слишком поздно.

Аурелио вскочил, трясясь от гнева.

— Она должна была стать моей! — выкрикнул он. — Ты хотел её только потому, что я её любил! Чтобы сломать меня! Ты никогда не заслуживал её!

Отец фыркнул. В его глазах снова вспыхнуло холодное, злорадное удовольствие.

— Наш отец считал, что я сильнее. И более достоин нашего имени. И он был прав. Она была моим трофеем. А трофеи выигрывают, а не выпрашивают. Но ты всегда был жалким попрошайкой, Аурелио. Её любви. Моей власти. Моих объедков.

Бальтазар плюнул на пол рядом с мертвым телом. и его плевок смешался с кровью моей матери.

— А теперь хватит хныкать и сделай что-то полезное, братец. Прибери это. Чтобы к утру здесь не осталось и следа. И если кто спросит… Она просто упала с лестницы и …умерла. Понял?

Аурелио побледнел. Казалось, он вот-вот бросится на отца и вцепится ему в глотку. И я ждала этого, когда глаза дяди метали молнии ярости, боли и бессилия. Я жаждала этого, когда внутри него бушевала буря.

Но прошла секунда. Другая. И я увидела, как эта буря гаснет. Не из-за страха. Но из-за леденящего осознания реальности. Дядя Аурелио знал, что на этой земле его брат — всесильный хозяин, и никто не смеет ослушаться его приказа. И что любой протест сейчас будет не просто бесполезен, он приведет к смерти. Приняв это, дядя резко кивнул. Один раз. Но я чувствовала и видела — ненависть в глазах и сердце дяди не исчезла. Она просто на время затаилась.

Отец же, удовлетворённый унижением брата, уже шагал к двери. Неожиданно его взгляд зацепился за меня.

— А ты — бросил он — иди в свою комнату. И если ты выйдешь до рассвета или скажешь кому-нибудь хоть слово… То пожалеешь, что не лежишь рядом со своей никчемной матерью.

Я молча склонила голову, и дверь за ним тяжело захлопнулась.

Еще несколько долгих минут Аурелио стоял неподвижно. Потом он медленно опустился на колени рядом с мамой, взял её холодную руку и прижался губами.

Я отползла подальше, в тень. В ту ночь во мне умерла девочка. Мой беспощадный отец своими руками выжег невинность из моей души. А на опустошённом пепелище родилось нечто новое. Холодное. Твёрдое. И безжалостное…

С той ночи я затаилась. Превратилась в призрак собственного дома. Невидимость стала моим главным оружием, а подслушивание — искусством, которое я освоила в совершенстве .

Я изучила наш особняк лучше, чем любой архитектор. За несколько следующих месяцев я отыскала все укромные места в этой каменной крепости: узкую служебную лестницу за гардеробной матери, которая вела в маленькую подсобку над кухней; маленький черный балкончик для цветов в комнате для гостей, откуда, прижавшись к стене, можно было расслышать каждое слово, долетавшее из открытого настежь окна отцовской спальни; и главное — небольшую каморку, смежную с кабинетом отца, где хранились охотничьи трофеи и старые карты. Я залезала в большой шкаф, пряталась между тяжелыми шкурами пум, прижималась ухом к задней стенке и, едва дыша, прислушивалась ко всему, что происходило в кабинете.

Я научилась двигаться мягко и бесшумно, словно кошка, подробно изучила и запомнила расписание ночных обходов охраны. Моими верными помощниками на пути к цели стали острый слух, цепкая память и старая потрёпанная тетрадь в переплёте из воловьей кожи, которую я нашла в кладовой. Криптографией я не владела, но легко придумала свой шифр — смесь детских значков, которые мы рисовали с Эсме в детстве, и первых букв испанских слов. Этот нехитрый шифр стал моим личным тайным языком. Языком мести.

Так я узнала, что грузовики с кокаином, замаскированные под фуры с лаймом, идут не через оживлённый Тамаулипас, а через глухие горные серпантины Дуранго под охраной армейского конвоя — за это отец платил огромные деньги высокопоставленным чиновникам и политикам. Что оружие из Гватемалы прибывает в крошечный частный порт в Кампече под видом буровых установок, а разгрузка идёт ночью под рёв генераторов настоящей нефтяной платформы. Что капитан федеральной полиции Фелипе Барсена получает процент с каждой партии наркотиков, прошедшей через его КПП, а его преступная слабость к мальчикам-подросткам тщательно скрывается. Я выяснила, что судья Кандела решает все дела в пользу отца в обмен на оплату лечения сына в Швейцарии и доступ к девочкам «немного моложе нашей Эсме» — эта фраза, однажды отстраненно произнесённая отцом в кабинете, заставила меня сжать кулаки так, что ногти впились в ладони. Я узнала всё о схемах отмывания денег через обменные пункты в Тихуане, о покупке недвижимости в Лос-Анджелесе, и о новом финансовом потоке — в биткоинах, ключи к кошелькам которых были записаны в конце его ежедневника странным набором символов,больше похожих на абракадабру.

Я собирала части вселенной Бальтазара де Фуэго, будто смертоносную мозаику. И постепенно у меня накопилось достаточно фактов, чтобы погубить отца. Но не было руки, которая могла бы нанести решающий удар. Мне нужен был меч. Меч возмездия.

И я узнала о нём случайно. Вернее, сама судьба подсунула мне эту нить.

Это произошло спустя примерно восемь месяцев после похорон матери. Отец по непонятной причине был на взводе и сильно нервничал. Как оказалось, он ожидал одного из своих верных людей, и едва тот прибыл, отец поспешил скрыться с ним в своем кабинете. Поняв, что происходит что-то важное, я привычно пробралась в знакомую каморку и притаилась в шкафу.

— Он знает — говорил подручный отца, и в его голосе отчетливо звучала паника. — Ломбарди знает, что это был наш заказ. Его брат, Стефано, закрыл его собой. Это объявление войны.

— Карлос, ты меня уверял, что стрелок — профессионал! Что он — призрак и его нельзя вычислить! Но твой профи не только подстрелил не того, он еще и попался! — от низкого голоса отца у меня по спине побежали мурашки.

— Ломбарди нашли стрелка — продолжал шипеть отец. — А мы нашли его отрезанную голову с выколотыми глазами. В коробке с нашим логотипом, доставленную курьером прямо ко

входной двери нашего клуба в Мехико. Со вложенной запиской: «С обещанием скорой встречи из Нью-Йорка. Следующий подарок будет для тебя лично. Твой новый сосед, А.Л.»

Тишина в кабинете стала густой, как смола. Я почувствовала, как в горле пересохло и стало трудно дышать. Ломбарди.

— Он не просто выжил. Он послал сигнал. Ясный и чёткий. Анджело Ломбарди знает, что я пытался его убить и тяжело ранил его брата. И теперь это уже не просто территориальные разборки. Это его личная вендетта.

— Что же нам делать? — Карлос говорил неуверенно, явно опасаясь гнева скорого на расправу отца.

— Готовиться — отец произнёс это слово с такой ледяной ясностью, что мне стало страшно.

— Ломбарди умён. Он силен и не знает пощады. И теперь у него есть личная причина для войны — кровь брата. Это худший вид врага. Он не остановится, пока не доберётся до самого сердца Лос-Сетас. До меня. И он доберётся. Это вопрос времени.

В голосе моего несгибаемого отца была не просто злость. Я уловила напряжение и … страх? Лёгкий, почти неразличимый посторонним, но настоящий. Бальтазар де Фуэго впервые в жизни кого-то опасался.

Вот оно. Я нашла свой меч. Анджело Ломбарди. Не просто враг, а гроза, которая уже нависла над домом моего отца, собирая силы для безжалостного удара.

Я выждала ещё несколько ночей, собирая информацию, как белка орехи. И однажды, глубокой ночью, когда я снова пробралась в кабинет, чтобы сфотографировать новые страницы ежедневника, я услышала тихий шорох за спиной.

Я испуганно обернулась, ожидая увидеть отца. Но в дверном проёме стоял дядя Аурелио. И смотрел он отнюдь не на меня. Его взгляд был прикован к раскрытой записной книжке на столе. И к старому телефону в моей руке, на который я только что снимала доказательства.

Мы замерли в гробовой тишине, нарушаемой лишь тиканьем старинных часов на каминной полке.

— Тициана, ты роешь себе могилу с такой скоростью, что брату даже лопатой махать не придётся — наконец нарушил молчание дядя, беззвучно закрывая дверь. — Если мой брат поймает тебя с этим…

— Он убьёт меня — спокойно закончила я за него, не отводя взгляда. — Как убил мою мать. Но он сделает это в любом случае. Только после того, как продаст Кальдерону. А Эсме… — я запнулась, и мой голос предательски дрогнул.

— Он уже смотрит на неё. Я видела его взгляд. Он оценивает её, как актив. Следующий на очереди.

Аурелио подошёл ближе, и в тусклом свете настольной лампы я увидела его лицо. оно не выражало ни ужаса, ни упрёка. В его глубоко посаженных глазах, которые потухли со дня смерти моей матери, теперь тлели угли. Не пепел воспоминаний, а живые, горячие угли давней ненависти.

— Что ты собираешься делать со всем этим? — он кивком указал на телефон и ежедневник.

Я сделала глубокий вдох, собираясь с духом. вот и настал момент истины:

— Я уничтожу его. Полностью. Но для этого мне нужен человек, который ненавидит его так же сильно, как я.

Аурелио замер. Его глаза расширились на долю секунды, но не от удивления — скорее, от признания неизбежности.

— И?

— Анджело Ломбарди, — произнесла я, и имя прозвучало в тишине, как приговор. — Дон Каморры в Нью-Йорке. Отец пытался убить его и потерпел неудачу. И да, отец уже получил от него «подарок». Он знает, что Ломбарди идёт за ним. И он боится.

Аурелио медленно, тяжело кивнул, будто это имя подтвердило его самые мрачные опасения.

— Молодой ястреб. Опасный, хитрый и безжалостный. И он жаждет мести за кровную обиду, нанесенную Бальтазаром. — дядя помедлил, внимательно изучая моё лицо. — Он не сделает это из милосердия, Тициана. Или из благородства. Ломбарди жестокий убийца, и он хочет крови. Он потребует плату. Очень высокую. Ты понимаешь, что конкретно можешь предложить?

Я выпрямилась во весь рост.

— Всё — сказала я просто. — Всю информацию, что собрала. Каждый его грязный секрет. Каждую его позорную слабость. И себя. Как награду, как заложницу его честности, как гарантию своих намерений. Лишь бы увидеть, как империя моего отца рухнет, погребя его под обломками. Лишь бы Эсме могла жить, не оглядываясь на тень его власти.

Между нами снова повисла многозначительная тишина. Затем Аурелио задумчиво кивнул, как будто окончательно принял какое-то решение — из тех, что вынашиваются годами.

— Хорошо, — произнес он тихо, но с неожиданной силой в голосе. — Я помогу тебе.

Я уставилась на него, боясь поверить своей удаче:

— Ты… Ты мне поможешь?

— Брат отнял у меня всё — выдавил дядя, и его голос сорвался. — Изабеллу. Моё будущее. Моё достоинство. Он заставил меня стирать её кровь со стен и наслаждался этим. Он думает, что сломал меня.

Он поднял на меня взгляд, и в нём, наконец, горел тот самый огонь, который я искала.

— Я буду твоей тенью в этом доме. Твоими ушами там, где ты не можешь быть. Я знаю распорядок Бальтазара лучше, чем кто-либо. Я буду предупреждать тебя о его передвижениях, о его гостях и его планах.

Аурэлио сделал паузу, глядя мне прямо в глаза:

— Но самое главное, Тициана… Когда придёт время, я помогу тебе сбежать. И я позабочусь об Эсмеральде. Пока ты будешь договариваться с Ломбарди, я не позволю Бальтазару прикоснуться к ней. У меня есть свои рычаги влияния и свои люди в этом доме, которые остались верны мне, а не ему. Твоя сестра будет под надежной защитой.

В его словах звучала такая непоколебимая уверенность, что ком у меня в груди начал рассасываться. Впервые за долгое время я почувствовала не просто надежду, а реальный, достижимый шанс на успех.

— Спасибо — прошептала я, и это было больше, чем просто слово благодарности. Это было признание союзника.

— Не благодари пока — дядя сухо улыбнулся. — Самое сложное еще впереди. Ты говоришь о побеге в Нью-Йорк и союзе с одним из самых опасных людей на континенте. А у нас… — Он посмотрел на календарь на столе, где красным кружком была обведена дата через несколько месяцев. — У нас очень мало времени. До твоего совершеннолетия и официальной свадьбы с Кальдероном остались считанные месяцы.

Холодный ужас снова скользнул по моей спине. Он был прав. Время, наш злейший враг, работало против нас.

— Значит, мы должны действовать быстро — выдохнула я. — Я буду здесь каждую ночь. Каждый раз, когда отец будет в кабинете. Мы должны собрать как можно больше информации. Не только маршруты и счета. Нам понадобятся компроматы на его союзников: бизнесменов, судей, политиков. Мы должны найти всё, что не оставит Анджело Ломбарди возможности отклонить наше предложение. И план моего побега должен быть безупречным, иначе всё это потеряет смысл.

Аурелио задумался, и его лицо стало сосредоточенным, как у полководца перед решающей битвой.

— Согласен. Я займусь логистикой. Подготовлю фальшивые документы, и разработаю безопасный маршрут сначала до границы, а оттуда — до Нью-Йорка. У меня есть старые связи в Ногалесе. А ты… Продолжай делать то, что делаешь. Будь его тенью. Запоминай каждое слово.

Он протянул руку, и я пожала её. Его ладонь была твёрдой и шершавой. И это был не сентиментальный жест, а скрепление договора.

— La Flor del Desierto (Цветок пустыни) — тихо произнёс дядя. — Пусть пустыня, которая породила тебя, даст тебе силы сжечь того, кто отравил её.

Я больше не произнесла ни слова. Я просто кивнула в ответ. В ту ночь, в кабинете моего отца, родился не просто план мести. Родился заговор, тихий и смертоносный, словно кобра, готовая к броску.

Двое в доме тирана объединились. И часы, отсчитывающие время до моей гибели, теперь тикали и для него. У нас было всего несколько месяцев. Несколько месяцев, чтобы создать оружие против отца. Несколько месяцев, чтобы подготовить мой побег в логово другого опасного зверя. Несколько месяцев, чтобы спасти Эсмеральду и себя.

Я больше не была той, кем была раньше. Я перешла черту, отделяющую жертву от мстителя. И теперь мне предстояло сделать самый опасный шаг — выйти из тени своего дома и шагнуть в пасть ко льву, чтобы предложить ему союз. Союз против общего врага.

ГЛАВА 4

Тициана.

“У каждого в нашей жизни есть свой день рождения. И есть день, когда ты умираешь, чтобы родиться заново. Неважно, что убьёт тебя — пуля врага или рука отца. Важно, найдешь ли ты в себе силы возродиться из пепла”

За две недели до моего совершеннолетия отец убил меня во второй раз.

Завтрак тем утром проходил в столовой с высокими окнами во всю стену, выходящими во двор. Утренний свет падал на мраморный пол, рассыпаясь по нему золотыми бликами и играя на гладкой поверхности. На широком столе стояли блюда со спелыми фруктами, тарелки с тёплыми тортильями, в чашках дымился ароматный кофе с корицей. Всё выглядело почти… нормальным.

Эсмеральда, непривычно молчаливая и серьезная, сидела напротив меня и ковыряла вилкой папайю. По правую сторону от нее с отрешенным сосредоточенным лицом устроился дядя Аурелио. Отец же быстро просматривал что-то на экране своего рабочего планшета и не обращал на нас троих никакого внимания, словно мы были просто бесполезной декорацией, ненужным приложением к его утреннему кофе.

— Мы с доном Хавьером решили, — наконец проронил отец между неспешными глотками кофе — что ваша свадьба состоится через неделю после твоего дня рождения.

Вилка выскользнула из моих враз ослабевших пальцев и звонко ударилась о мраморный пол.

— Через… неделю? — переспросила я, чувствуя, как внутри меня растет и ширится холодная пустота.

Отец поднял на меня глаза. И в них не отражалось ничего, кроме безразличия и жестокости. Ничего человеческого.

— Да.

— Это… — я растерялась на секунду, но заставила себя продолжить — это день смерти мамы. Прошёл всего только год. Я не могу. Это слишком быстро.

Тишина в столовой вдруг стала слишком плотной. Эсмеральда побледнела, и в уголках глаз заблестели слезы. Дядя резко отодвинул стул и вскочил, уставившись на отца.

— Бальтазар, — резко сказал он, — ты перешёл границу. Тициане только едва исполнится восемнадцать. Девочка недавно лишилась матери. То, что ты предлагаешь, — это варварство.

Отец медленно поставил чашку. Затем тяжело поднялся и подошел ко мне.

Его рука вцепилась в мои волосы у самого затылка. Боль вспыхнула мгновенно, слёзы сами выступили на глазах, и я стиснула зубы, чтобы не закричать. Он дёрнул меня к себе так, что я вынуждена была запрокинуть голову и встретиться с ним взглядом.

— Я не потерплю возражений — прошипел он мне прямо в лицо. — Ты будешь делать то, что я прикажу. Ясно?

Я кивнула. Не потому что покорилась. Но потому, что хотела выжить.

Довольный отец отпустил меня так же резко, как схватил, и вернулся на свое место за столом, будто ничего не произошло.

Аурелио же смотрел на меня. И я увидела в его глазах то же, что чувствовала сама.

Время пришло.

Позже, в узком коридоре между библиотекой и старым зимним садом, где стены из желтого песчаника хранили слишком много тайн, я встретилась с Аурелио.

— Всё готово, Тициана. Дальше ждать нельзя.

Я молча кивнула.

— Ты уйдёшь за два дня до праздника, — продолжал дядя. — Мой брат должен быть уверен, что ты смирилась и полностью занята свадебными хлопотами: примеркой платья, прической, выбором украшений — всем тем, чем обычно заняты счастливые невесты. Это даст нам фору.

Аурелио посмотрел на меня долгим взглядом. Я поняла его без слов. Решение было принято, и пути назад уже не было.

Той же ночью я сложила в небольшую дорожную сумку свои вещи: простые, удобные и неброские — чтобы не привлекать лишнего внимания. Всё, что носила дочь Бальтазара де Фуэго, принцесса Лос-Сетас, живя в своей золотой клетке, — роскошные шелковые платья, туфли на каблуках, дорогие духи — осталось лежать в шкафу. Главным же сокровищем была обычная флешка. В ней заключался весь смысл моего бегства: маршруты поставок, имена предателей, схемы отмывания денег, скрытые счета. Я распорола подкладку сумки и аккуратно зашила крошечный накопитель внутри. Проверила шов пальцами десятки раз, пока не убедилась: швы ровные, ткань плотная, металл не прощупывается. Этому кусочку пластика с чипом внутри суждено стать моим оружием и моим выкупом за новую жизнь. Деньги и новые документы мне должен был передать дядя в день побега.

Медальон матери в руках я держала долго. Тусклое золото, тёплое от соприкосновения с кожей, все еще как будто хранило её последнее дыхание. Внутри — фотографии мамы и нас с Эсмеральдой, двух беззаботных, смеющихся маленьких девочек. Я на мгновение прижалась к медальону губами, чувствуя солёный вкус своих слёз, потом спрятала его в сумке, среди вещей. Мамин медальон был тем единственным, что я забирала с собой из прошлой жизни.

Упаковав сумку, я опустилась на колени в дальнем углу спальни, откинула тяжелый ковер и аккуратно подцепила край одной из половых досок. Дерево поддалось с тихим, неохотным скрипом. Под ним зияла чёрная щель, узкая и пыльная — мой личный сейф, о котором не знал никто, даже Эсмеральда. Я аккуратно опустила сумку в эту дыру. Доска, возвращённая на место, встала вровень с другими, и её скрип стал тише — знакомый, ничем не примечательный звук этого старого дома. Я провела ладонью по полу, сметая невидимые следы. Теперь моё будущее лежало в двух сантиметрах под ногами, прикрытое вековыми дубовыми досками.

Накануне дня побега, как и было условлено, я сообщила отцу, что поеду выбирать наряды для своей новой жизни.

— Хочу поразить своего жениха, — проговорила я тихо, опустив глаза и изображая смущение.

Он долго и пытливо смотрел на меня, пытаясь понять, сломалась ли я окончательно. Потом удовлетворенно усмехнулся.

— Это хорошая мысль, дочь. Я дам тебе в сопровождение двух телохранителей. Они присмотрят за будущей сеньорой Кальдерон.

Меня всю передернуло внутри от того, как отец назвал меня, но внешне я осталась совершенно невозмутимой:

— Спасибо, папа.

В ту ночь я почти не спала.

Я пробралась в комнату Эсмеральды, как делала это тысячи ночей раньше. Сестра сидела на кровати, обняв колени, и смотрела на меня так, будто знала всё заранее, и просто ждала, когда я сама признаюсь ей во всем.

— Ты уходишь, — пробормотала она тихо.

Я кивнула, и слёзы сами выступили на глазах.

— Ты хочешь сбежать?.. — голос ее дрогнул.

— Я должна, Эсме — ответила я. — Иначе отец погубит меня. А потом — тебя.

Эсмеральда вскочила и обняла меня крепко и отчаянно, словно хотела удержать. Но потом разжала руки.

— Я буду молиться за тебя, Тита — прошептала она. — Чтобы всё получилось.

Я сжала её ладони.

— Я люблю тебя больше всего на свете. И я вернусь за тобой, Эсме. Клянусь памятью нашей матери — я вырву тебя из лап этого монстра.

Эсмеральда заплакала и снова обняла меня. Мы попрощались без лишних слов, долго оставаться в комнате Эсме для меня было рискованно — слишком многое было поставлено на карту. И в этом доме у нас почти не было друзей.

В судьбоносный день, когда я должна была обрести свободу, стояла чудесная погода. Над головой простиралось прозрачное безоблачное небо, солнце ласкало кожу мягким теплом, и казалось, что сама пустыня благословляет меня. Я вышла из дома в лёгком светлом платье цвета шампанского, струящемся и женственном, на шее — ненавистные золотые змеи с изумрудными глазами. Колье Хавьера Кальдерона. Я надела его намеренно — пусть все думают, что я смирилась со своей участью.

У машины меня уже ждали двое высоких широкоплечих парней. Оба были всего на несколько лет старше меня, но мускулистые фигуры и суровые лица делали их значительно старше. Открывая мне дверцу машины, один из них сообщил, что его зовут Луис, а его напарника Диего.

Бутик «Bella Reina» (Прекрасная королева) был истинным храмом роскоши: белый мрамор, бездонные зеркала, воздух, пропитанный густым ароматом кожи, воска и дорогих духов. Здесь покупали не одежду — здесь покупали статус, и каждый наряд на вешалке был пропуском в мир роскоши и помпезности.

Я вошла в это сияющее святилище моды, чувствуя спиной сверлящие взгляды двух церберов, приставленных ко мне отцом.

— Ну что — обернулась я к ним, гнусавя капризным, нетерпеливым тоном, — вы так и будете стоять здесь, как мебель? Я буду примерять платья, а вы — плевать в потолок? Скучно же. Вы можете подождать в кафе напротив, оно совсем рядом, через дорогу. Там подают очень вкусный тако. И… я вас не выдам. Обещаю.

Луис слегка растерялся, но отрицательно качнул головой:

— Приказ дона де Фуэго, сеньорита. Мы должны сопровождать вас.

— Сопровождать, а не дышать мне в затылок — фыркнула я, повернувшись к стойкам с последними коллекциями известных модельеров. — И проверьте, свободны ли примерочные. Мне не нужны лишние глаза.

Парни молча обменялись взглядами. Луис кивнул напарнику. Тот направился к занавескам, отодвигая каждую и заглядывая в пустые кабинки. Его движения были медленными и скованными, и я снова вздохнула с преувеличенным раздражением:

— Ну? Долго ещё? Я не собираюсь торчать здесь весь день.

— Все чисто, сеньорита, — буркнул Диего, отступая.

В этот момент входная дверь магазина распахнулась, впуская поток солнечного света и звонких голосов. Внутрь вошли несколько девушек. Веселые и возбужденные, они тут же устремились к стойкам с одеждой, и их присутствие создало спасительный шум, живой гул, в котором можно было затеряться.

Консультант бутика, девушка с безмятежным лицом ангела, мягко подвела меня к кабинкам.

— Пожалуйста, сеньорита. Если что-то понадобится — я рядом.

Я взяла несколько платьев и скрылась в примерочной. Моё сердце колотилось, но голова оставалась холодной и ясной. Немного отодвинув плотную ткань шторы я убедилась в том, что оба мои надзирателя стоят у выхода из зоны примерочных в общий зал.

Отлично. Пора было начинать действовать.

Я распахнула занавеску — совсем немного, и громко позвала:

— Диего! Немедленно подойди сюда!

Когда он обернулся на мой голос и шагнул ко мне, я резко дёрнула штору в сторону, и оказалась прямо перед ним полуголой, в полупрозрачном кружевном бюстгальтере и таких же трусиках.

Парень замер. Его лицо исказила не просто неловкость — на нём отразился животный, первобытный ужас. Увидеть наследницу клана де Фуэго почти обнажённой значило подписать себе смертный приговор.

— Что ты себе позволяешь?! — закричала я, мой голос дрожал от идеально сыгранной ледяной ярости. Я прикрылась складками шторы, и продолжила орать на несчастного. — Да как ты посмел нарушить моё уединение?! Мой отец узнает об этом, будь уверен! Он сдерёт с тебя кожу за такую наглость!

— Сеньорита, простите, я… — Диего резко отвернулся и отступил назад.

— Вон! — прошипела я, указывая пальцем в сторону основного зала. — Немедленно уйдите и ждите там! Оба! И не смейте возвращаться, пока я не позову!

Мужчины поспешно удалились и уселись на кожаном диване в основном зале. Оттуда им был виден выход из зоны примерочных, но не сами кабинки.

Именно в этот момент к кабинке по соседству с моей подошла высокая блондинка с роскошными длинными локонами. Она была в тёмных очках, облегающих стройные ноги джинсах и просторной льняной рубашке. На её руке болталось несколько платьев. Она мельком взглянула на парней на диване и бесшумно скользнула за шторку.

Мой план вступал в решающую фазу. Я приоткрыла свою штору снова и позвала уже чуть мягче, но с оттенком капризного раздражения:

— Эй, Луис, подойди.

Он поднялся с дивана и подошел ко мне, старательно глядя куда-то в пол.

— Да, сеньорита?

Я протянула ему два платья:

— Вот эти… пожалуй, подойдут. Отдай моему консультанту, пусть отложит. А это — я швырнула ему ещё одно платье — совсем не моё. И… — тут я сделала паузу, добавив в голос нотку беспомощности, — ты мне не поможешь? Молния на спине застряла. И я не могу снять платье…

Я кокетливо стрельнула в него глазами и дразняще улыбнулась. Его лицо побелело, как мел. Луис отчаянно замотал головой и попятился:

— Я… я не могу, сеньорита де Фуэго… Это невозможно…

— Тогда исчезни — фыркнула я с презрением.

Луис схватил платья, которые я протягивала, и почти бегом бросился в зал.

Я же мгновенно скользнула в соседнюю кабинку. Там, в тесном полумраке, меня ждала незнакомка. Мы не обменялись ни словом. Девушка ловким движением стянула светловолосый парик, потом так же быстро выскользнула из одежды. Я сбросила своё платье и натянула джинсы и рубашку. Блондинка протянула тёмные очки и прошептала мне на ухо:

— Сеньор Аурелио ждёт вас в чёрном додже. Прямо у входа. Удачи, сеньорита.

Я кивнула, надела очки и бросила быстрый взгляд на свое отражение. Все было в порядке. Глубокий вдох — и я вышла.

Чтобы не вызвать подозрений сначала я направилась вглубь магазина, к витринам с аксессуарами, делая вид, что разглядываю украшения. Краем глаза я заметила, как мои сопровождающие, сидя на диване, безучастно взглянули на меня и снова уставились в пространство, ожидая, когда же их капризная подопечная соблаговолит выйти из примерочной.

Идеальный момент настал, когда новая группа покупательниц ввалилась в магазин с громкими возгласами, отвлекая всеобщее внимание. Я плавно развернулась и спокойным, уверенным шагом пошла к стеклянным дверям.

На тротуаре, припаркованный прямо напротив входа, стоял чёрный додж без номеров.

Я с трудом сдержалась, чтобы не броситься бегом. Сделав последние решающие шаги я открыла дверцу и скользнула на заднее сиденье. Едва я оказалась внутри, внедорожник сорвался с места, увозя меня прочь. В зеркале заднего вида бутик «Bella Reina» уменьшался, превращаясь в расплывчатую мигающую точку в чужом, огромном городе.

Повернувшись, я встретила взгляд темных глаз дяди Аурелио. Он сразу притянул меня к себе и обнял, крепко, по-настоящему, словно хотел убедиться, что я успела, что я действительно здесь, рядом с ним.

Первое, что я сделала, когда мы разжали объятия, — сорвала с шеи колье Кальдерона. Золотые змеи звякнули, ударившись друг о друга. Я сжала его в кулаке, чувствуя брезгливое отвращение и ненависть.

— Избавься от него, пожалуйста — выдохнула я. — Я не хочу его больше чувствовать на своей шее.

Аурелио задумчиво взвесил тяжелое украшение на ладони.

— Оно вульгарно, но… уникально. И стоит целое состояние. И его нельзя просто выбросить или продать. Если колье всплывет где-нибудь, то станет лишней ниточкой, ведущей к тебе. Но не волнуйся об этом, Тициана. Я найду способ сделать так, чтобы оно исчезло.

Я облегченно кивнула. Машина набирала скорость, растворяясь в потоке, а дядя продолжал говорить:

— Слушай внимательно и запоминай, — он протянул мне мою дорожную сумку, которую достал из тайника под полом в моей комнате — Здесь деньги наличными и банковские карты. Здесь же лежит твой новый паспорт. Твоё новое имя — Мария Лус Рамирес. Повторяй его, пока не привыкнешь, и оно не станет твоим.

Дядя вложил мне в руку простой телефон старой надежной модели.

— Здесь всего один номер. Воспользуйся им, только если от этого будет зависеть твоя жизнь.

Аурелио протянул мне ключи.

— А это ключи от твоего нового дома. Маленькая квартира в неприметном тихом районе, без консьержей и камер. Она оплачена на несколько месяцев вперед. Потом тебе придется переехать.

Я вопросительно посмотрела на него.

— Когда сегодня ты не вернешься домой, Тициана, разразится ураган. Гнев моего брата будет страшен. И он будет искать тебя. Когда он поймет, что ты сбежала и опозорила его, он

перевернет небо и землю, чтобы найти тебя и наказать. Но у нас есть небольшое преимущество — в последнюю очередь он станет искать тебя в доме Ломбарди, в логове своего злейшего врага. И тем не менее, Бальтазар умен и хитер, как старый лис. Мы не должны оставить ему ни шанса. Твои карты будут пополняться раз в несколько месяцев, о деньгах не беспокойся. Но не засиживайся слишком долго на одном месте и будь осторожна, девочка моя.

— В Ногалесе выйдешь у центрального рынка — инструктировал он меня. — За прилавком с керамикой справа от главного входа будет стоять наш человек. Он спросит, не ищешь ли ты подарок матери. Ты ответишь: “sí, algo sencillo” (да, что-то попроще). Он проведёт тебя к машине, которая довезет до границы. На границе тебя тоже будут ждать. И ты снова сменишь машину. В Аризоне тебя перехватят и отвезут в мотель в Финиксе. Там ты переночуешь, номер на имя Марии Лус Рамирес уже забронирован. А следующим утром тебя будет ждать такси до аэропорта. Билет до Нью-Йорка вложен в твой новый паспорт.

Дядя посмотрел на меня долгим серьёзным взглядом.

— Теперь ты — никто, Тициана. Просто женщина, которая возвращается домой.

Мы расстались с дядей Аурелио без слез. Сжав его руку, я прошептала:

— Позаботься об Эсме, пока я не вернусь за ней.

Он коротко кивнул и ушел, не оглядываясь.

Вечером того дня, когда мне исполнилось восемнадцать, самолет Американ Эйрлайнс доставил меня в Нью-Йорк. Огромный город встретил меня серым хмурым небом и холодным дождём. Но мне было все равно. Я вышла на улицу, подняла лицо к небу, позволяя крупным каплям смывать свое прошлое.

— С днём рождения, Тициана — прошептала я.

И впервые за несколько последних лет эти слова не прозвучали как проклятие.

ГЛАВА 5

Анджело.

«Есть решения, которые пахнут порохом. А есть те, что пахнут женскими духами. Вторые убивают вернее — медленно и без права на помилование.»

— Видишь ту, на шесте? Рыжая и поразительно гибкая. Через пять минут мой член будет глубоко в ее глотке.

Голос Луки плыл сквозь рёв басов, ленивый и самовлюбленный. В «Орионе» его сексуальные фантазии имели привычку материализоваться. Впрочем, и наши тоже. В этом сердце греха и порока мы могли щёлкнуть пальцами — и любая сучка с радостью упала бы на колени. Как и во всем этом гребаном городе.

Марио, выпуская струйку сигарного дыма, бросил на него насмешливый взгляд:

— В любом случае, ты её надолго не задержишь. С тобой эти шлюхи даже не успевают устать. Обычно они успевают только приоткрыть рот— а твой спектакль уже закончился. Без антракта.

— Зато ты их так задерживаешь, что к концу они забывают свое имя, и начинают составлять список покупок для супермаркета в уме.

Я дал виски прожечь горло, устав от их перепалки. Лука мог быть чертовски раздражающим, когда хотел трахаться. Собственно, он и был таким все время, — во всяком случае, когда не спал.

— Заканчивайте меряться яйцами — я поставил стакан на мраморную столешницу — Лука, твои выдуманные подвиги в постели меня не волнуют.

Лука уже открыл рот для очередного остроумного ответа, но его опередил Стефано. Мой названый брат сидел, откинувшись в кресле, глаза полуприкрыты, но я знал — он слышит и запоминает каждое слово.

— Оставь его, Анджело, — произнёс Стефано — Лука как плохой фильм для взрослых. Много шума, примитивный сюжет, и всё заканчивается слишком быстро. Пусть гремит. От этого план не изменится.

Лука медленно повернул к нему голову, и на его лице расцвела широкая, хищная ухмылка.

— О, смотрите, проснулась наша икона целомудрия! Что, святая Алисия сегодня дала выходной твоему языку? Или ты просто копишь силы для… чтения ей вслух на ночь?

Стефано приоткрыл один глаз:

— Я коплю силы и терпение, чтобы не отвечать тебе, Лука. Это требует титанической воли. Твои шутки — как твоя техника в постели: предсказуемые, грубые и оставляющие чувство глубокой неудовлетворённости у всех присутствующих.

Потом он наконец открыл второй глаз и посмотрел прямо на Луку:

— Но раз уж ты настаиваешь… Да, Алисия дала выходной. Моему терпению. Так что продолжай. Мне интересно, сколько примитивных каламбуров о моей личной жизни ты сможешь выдать, прежде чем твой мозг, исчерпав свой скудный запас, вернётся к единственной доступной ему теме — размеру твоего достоинства и способам его применения.

Марио фыркнул, чуть не поперхнувшись виски. Даже у меня дрогнул уголок губ.

— Всё — я резко поднялся — Заканчивайте этот цирк. Нас ждет работа. И детали мы обсудим в кабинете. Сейчас.

Марио первым направился к выходу, подталкивая всё ещё ошарашенного Луку, который наконец заткнулся. Стефано поднялся неспешно, бросив на меня короткий взгляд, — мы понимали друг друга без слов.

Они скрылись за дверью, и я уже собирался последовать за ними, когда телефон завибрировал в кармане. Рауль, наш человек на границе.

— Говори.

— Босс, все подтвердилось. Груз пройдет через Дуранго. Через три дня.

— Отлично.

Я сбросил вызов и направился к служебной двери, ведущей в подвал. Узкий коридор был погружён в полумрак, и после клубного гула тишина здесь казалась чем-то неестественным. Именно тогда я это и почувствовал.

Инстинкт, отточенный годами кровавой борьбы за выживание, взвыл тревогу. Даже воздух вокруг стал другим — плотным, заряженным чужим невидимым присутствием. И мой нос уловил незнакомый запах, не принадлежавший этому месту. Чистый, свежий, с легкой ноткой горечи.

Тело среагировало раньше сознания. Мышцы сжались в смертоносную пружину, я резко развернулся и мгновенно направил ствол на неподвижную тень у дальней стены.

— Выходи или следующий звук, что ты издашь, станет для тебя последним.

Мгновение стояла мертвая тишина. Потом до моего слуха долетел легкий шорох, и под тусклым светом лампы возник силуэт. Девушка. Высокая и гибкая, она была одета в потертые джинсы и свободную рубашку, но даже под этой мешковатой одеждой угадывались весьма соблазнительные изгибы. Густые длинные локоны цвета спелой пшеницы доходили ей до талии, а огромные тёмные очки почти полностью скрывали ее лицо. И это могло бы показаться просто нелепым, если бы не было столь подозрительным, учитывая, что мы находились в полутемном коридоре ночного клуба.

Я сделал шаг вперёд.

— Последний шанс сказать мне, кто ты. Прежде чем я сам найду ответы, но имей в виду — тебе не понравятся мои методы.

Я схватил её за плечи и прижал к холодной стене. Девушка испуганно вжалась в нее, прерывисто дыша, отчего ее грудь быстро вздымалась под тонкой тканью. Но…

Внезапно я ощутил разительную перемену. Её тело, только что мягкое и беззащитное, вдруг напряглось, она выпрямилась и вздёрнула подбородок.

— Ты Анджело Ломбарди? — спросила она. Голос оказался чуть ниже, чем я ожидал, но в нём уже не было страха, только ярость.

Меня взбесила эта дерзость. И заинтриговала.

— Вопросы в этом городе задаю я. Итак… Ты наша новая шлюха, и тебе забыли рассказать, как и с кем ты должна себя вести, и куда лучше не совать свой хорошенький нос?

Она вспыхнула. Но не от смущения, а от чистой, неразбавленной злости.

— Я не шлюха, — прошипела она и с силой толкнула меня в грудь, пытаясь освободиться. С таким же успехом она могла пытаться сдвинуть с места один из небоскребов Нью-Йорка.

— У меня есть то, что нужно тебе. И я здесь, чтобы помочь — процедила девица сквозь зубы.

— Помочь мне? — моя усмешка была кривой и полной сарказма. — Малышка, ты явно перепутала дверь. Или, может, тебя прислал Лука, чтобы развлечь меня перед трудным днём? У него иногда бывают «милые» идеи.

Я ощутил, как девушка задохнулась от гнева. Она глубоко втянула воздух, явно пытаясь взять себя в руки, и внезапно резким движением сорвала очки с лица.

В полумраке коридора её глаза вспыхнули. Мне показалось, они были такого же светло-зелёного оттенка, как молодые листья после дождя. Но в этих глазах не было и намёка на

покорность и мягкость. Только вызов. И, присмотревшись, я заметил кое-что ещё… глубокое, леденящее отчаяние.

— Ты пожалеешь, если не выслушаешь меня — сказала она, не отводя взгляда. И каждое слово из ее красивых губ падало, словно капля яда. — Это в твоих интересах, Ломбарди. Не в моих.

Однако, эта девчонка забавляла меня все больше…

— В моих? — я наклонился так близко, что увидел, как расширяются её зрачки от страха… Или ее так волновала моя близость? От девушки опьяняюще пахло цитрусом и чем-то сладким, почти медовым — свежесть с опасной ноткой соблазна — Ладно, красотка, посмотрим… Так тебе есть восемнадцать?

Она сглотнула, но продолжала смотреть мне в лицо:

— Да. Есть.

— Тогда, может, ты и вправду можешь быть полезной — прошептал я, и моя рука сама потянулась к ней. Я схватил её за подбородок, грубо приподняв её лицо. Мы стояли так непристойно близко, что я чувствовал тепло её кожи, видел, как дрожат длинные темные ресницы. — Я не прочь попробовать, что ты умеешь… кроме дерзких фраз. Особенно твой рот и твою киску.

Она ахнула — от шока, оскорбления и ярости. И снова толкнула меня, вырываясь, как дикая кошка.

— Убери свои грязные руки! Ты… — она осеклась, её грудь тяжело вздымалась. Глаза сверкали неприкрытой жаждой убийства. Моего. — Я пришла с деловым предложением. Хочешь выслушать — слушай. Нет — это тоже твой выбор. И твоя большая ошибка.

Я тихо рассмеялся:

— Детка, с такими, как ты, я трахаюсь, а не веду дела. Так что, либо ты опускаешься на колени и обслуживаешь меня прямо сейчас… Либо исчезаешь, пока я добрый.

Я заметил Джея, нашего управляющего клубом, который замер в конце коридора, не понимая, что происходит и как реагировать.

— Джей! — рявкнул я, и он вздрогнул. —Убери её задницу отсюда. И если хоть одна муха сунется сюда без моего разрешения, я решу, что ты больше не справляешься со своей работой. А мы оба знаем, что происходит с теми, кто меня подводит.

Джей кивнул и грубо схватил девушку под локоть. Она не сопротивлялась, но в последний момент, когда Джей поволок ее прочь, она обернулась. И её взгляд, полный ледяной, почти безумной решимости, на секунду приковал меня к себе.

— Ты упускаешь свой лучший шанс сломать хребет заклятому врагу, Ломбарди — бросила она через плечо. Она открыла рот, собираясь добавить еще что-то, но покосилась на Джея и передумала.

Заклятому врагу? Какому из, детка? Я задумчиво проводил её взглядом, машинально отметив грациозную походку и тот очевидный факт, что эта ненормальная обладала отличной упругой попкой.

Выкинув случайную красотку из головы, я спустился в подвал и толкнул дверь нашего «кабинета». Помещение без окон, стены обшиты звукоизоляцией так, чтобы ни один звук не просочился наружу. Именно здесь мы обсуждали наши планы и стратегии. Именно здесь, в подвале «Ориона» рождались решения, от которых зависели жизни и смерти.

Братья и Стефано уже ждали меня, удобно устроившись: Марио развалился в кожаном кресле с сигарой, Стефано сидел на краю стола, уткнувшись в телефон, а Лука растянулся на диване, закинув ногу на подлокотник, с бутылкой пива в руке.

— О, наконец-то — протянул Лука с ухмылкой. — Мы уже думали, ты сам решил уединиться с той рыжей, чтобы проверить её... впечатляющие деловые качества.

— Заткнись, Лука, — отрезал я, скидывая пиджак. — Информация о поставке

Лос-Сетас подтвердилась. Так что хватит расслабляться — работаем. У нас есть пара часов, чтобы еще раз всё проговорить.

Марио развернул на столе карту Северной Мексики, и мы все склонились над ней. Стефано ткнул пальцем в точку на территории штата Дуранго.

— Груз пройдет здесь — его голос звучал ровно, но я слышал в нём холодное удовлетворение. — Две тонны чистейшего колумбийского кокаина. Фура-рефрижератор якобы перевозит бананы из Гватемалы. Безупречные документы, печати – все сделано в лучшем виде. И даже если их остановят на блокпосту, проверяющие увидят только ящики с бананами и отпустят с миром. Стандартная схема де Фуэго — он любит прятать своё дерьмо за сладким фасадом.

Марио хмыкнул, выпуская очередную струйку дыма:

— Как мило. Бальтазар всегда был любителем иронии. Прячет смерть под видом бананов для детишек.

— Они купили коридор, — продолжал Стефано, проводя пальцем по извилистой линии дороги. — На сорок восемь часов весь маршрут от ранчо «Сан-Мигель» до перевалочной базы в Чиуауа будет чист. Армейские патрули тоже получили приказ держаться в двадцати милях от маршрута. Местная полиция? — он усмехнулся. — Уже пересчитывает свои пачки долларов и молится, чтобы всё прошло гладко.

Лука присвистнул, откинувшись на спинку дивана:

— Ничего себе размах. Сколько же этот кусок дерьма заплатил, чтобы купить целую армию?

— Достаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности — я выпрямился, скрестив руки на груди. — Наглые ублюдки думают, что мы не рискнём тронуть их на защищенном проверенном маршруте. Они ошибаются.

Марио прищурился, изучая спутниковые снимки, разложенные рядом с картой:

— Так где мы их возьмём? Не на самом маршруте же, это будет самоубийством.

Я склонился над картой, мой палец скользнул по разметке асфальтовой ленты, остановившись на узком участке дороги примерно в двадцати милях от того места, где заканчивался купленный картелем «коридор безопасности».

— Вот здесь. Старая дорога через каньон, ведущая к заброшенному соляному заводу. Мы ударим после того, когда они выйдут из своей безопасной зоны и расслабятся. Когда решат, что самое сложное позади, и можно выдохнуть.

Стефано придвинулся ближе, его взгляд скользил по топографии местности:

— Въезд в каньон... — он медленно кивнул, оценивая. — Умно. Дорога там сужается до одной полосы. Обрыв метров в пятьдесят слева, отвесные скалы справа. Один въезд и один выезд. Идеальная природная ловушка.

— Именно — я выпрямился, чувствуя, как адреналин начинает разогревать кровь. — Фура не сможет развернуться, даже если захочет.

— Сопровождение? — Марио, как обычно, просчитывал возможные риски.

— Два внедорожника — ответил Стефано, листая досье с фотографиями. — Один впереди фуры, другой сзади. Это стандартная схема охраны Лос-Сетас для таких перевозок. В каждой машине по четыре-пять хорошо вооружённых бойцов. Профессионалы, но предсказуемые. Они привыкли, что имя де Фуэго пугает даже больше, чем оружие. Анджело прав — они самоуверенны и не ожидают нападения на своей территории.

Я криво усмехнулся, представив в какой ярости будет Бальтазар после того, как мы уведем многомиллионный груз на его же территории:

— Головную машину снимаем первой. Марио заляжет вот на этом холме и взорвет ее ударом из гранатомета. Это перекроет дорогу впереди и создаст завал. Пока гребаные мексикосы будут в шоке и дезориентации, наши люди спустятся со склонов и возьмут замыкающую

машину в кольцо — быстро, жёстко и без единого шанса на сопротивление. Я провёл ладонью по карте, словно сжимая невидимую петлю:

— Фура окажется в капкане. Водитель поймёт, что у него только один выбор: умереть быстро или продлить свою агонию. Но итог один для всех — никто не уйдёт живым.

Лука хмыкнул с усмешкой:

— А если они попытаются прорваться? Эти идиоты иногда бывают слишком храбрыми вопреки здравому смыслу.

— Так или иначе их храбрость станет их эпитафией, — холодно ответил я. — Любая попытка сопротивления закончится быстро и грязно. В любом случае, все они сдохнут.

Стефано кивнул, его лицо оставалось бесстрастным:

— Людей достаточно? Двадцать наших лучших бойцов — проверенные, надёжные и смертоносные. Они знают, что делать, и сделают это быстро. К тому времени, как де Фуэго узнает, что его груз пропал, а его люди убиты, мы уже будем на своей территории.

Марио медленно выдохнул дым, его глаза блестели:

— Две тонны кокаина. Это не просто удар по его бизнесу, это плевок ему в лицо. Он взбесится.

— Пусть бесится, — я выпрямился, чувствуя жестокое удовлетворение. — Я хочу, чтобы он бесился. Хочу, чтобы он понял: его время истекает. Медленно и неотвратимо.

Мы ещё час уточняли детали, прорабатывая каждый шаг, каждую переменную. Когда в нашем плане, наконец, не осталось ни единого слабого места, я довольно откинулся в кресле, чувствуя знакомое предвкушение перед охотой.

— Значит, работаем — заключил я, и ответом мне были горящие взгляды моих братьев.

Мы покинули «Орион» глубокой ночью. Город затих, омытый недавним дождём, асфальт блестел в свете фонарей, отражая огни небоскрёбов. Стефано уехал первым — домой, к Алисии. Его девушка не любила спать в одиночестве, и мой названый брат явно торопился нырнуть в её постель. У Стефано теперь были свои приоритеты, и иногда мне казалось, что тёплое тело Алисии под одеялом стояло в его списке куда выше, чем наша компания.

Я сел за руль своего чёрного рендж ровера. Марио устроился рядом на пассажирском сиденье, а Лука удобно развалился сзади, уткнувшись в телефон и переписываясь с очередной шлюхой, которую планировал трахнуть сегодня ночью.

Двигатель мягко заурчал, и я вывел машину на пустынную улицу. Дождь оставил на стёклах капли, которые размазывались дворниками, превращаясь в полосы света. Мои мысли были далеко — в пыльном каньоне Дуранго, в узком ущелье, где через три дня прольётся кровь. Я мысленно прокручивал план снова и снова, ища слабые места, уязвимости и возможные ошибки.

И где-то на самом краю сознания всё ещё маячили те зелёные глаза. Странная блондинка с дерзким ртом и безумной смелостью.

Ты упускаешь единственный шанс сломать ему хребет.

Кому — ему?

Я покачал головой, выбрасывая её из мыслей. Сейчас не время для загадочных кисок, которые шляются по ночным клубам и несут бред про деловые предложения.

Мы подъехали к нашему особняку, и массивные кованые ворота начали открываться, реагируя на сигнал брелока. Фары выхватили из темноты знакомую аллею, высокие деревья по бокам, мокрый гравий подъездной дорожки.

— Блядь! — Марио резко выпрямился на сиденье, и его рука инстинктивно потянулась к кобуре под пиджаком. — Там кто-то есть!

Я ударил по тормозам, и моя рука тоже быстро легла на рукоять пистолета в плечевой кобуре. Глаза прищурились, всматриваясь в темноту у ворот.

Там, в густой тени между высокими каменными столбами ограды, притаилась фигура — почти невидимая и сливающаяся с мраком, словно призрак, ждущий своего часа.

— Какого хрена... — пробормотал Лука сзади, тоже доставая своё оружие.

Марио распахнул дверь и выскочил наружу, укрываясь за дверцей. Ствол его беретты был нацелен на тень.

— Выходи на свет! Медленно! Руки так, чтобы я их видел!

Долгая, напряжённая пауза, и силуэт ожил. Фары выхватили его из тьмы, и она, наконец, шагнула в яркий свет фонаря. Девушка. Та самая блондинка.

Ее лицо выглядело уставшим, но спокойным. Слишком спокойным для того, кто только что оказался под прицелом трёх пистолетов.

— Я не вооружена — голос прозвучал ровно, но я все же уловил нотки скрытого волнения. Значит, она не была так уж спокойна, как хотела казаться. — Мне нужен Анджело Ломбарди.

Я медленно выдохнул, чувствуя, как раздражение снова вспыхивает жарким огнём в груди.

— Твою мать — процедил я сквозь зубы, глядя на неё — Опять эта ненормальная сучка.

Я сделал пару шагов к ней, не опуская пистолета:

— У тебя что, слишком сильно развит инстинкт самоубийцы? Или ты просто очень глупа?

Она стояла под светом уличного фонаря, и её светлые волосы казались почти белыми в холодном свете — густая, слишком идеальная масса локонов. Лицо юное, красивое и совершенно неподходящее для того дерьма, в которое она влезла. Но что-то в ней было не так. Что-то царапнуло меня изнутри, заставило все мои инстинкты встрепенуться. Я не мог понять, что именно, но ощущение было отчётливым — как заноза под кожей, которую не вытащить.

Лука присвистнул:

— Охренеть, у тебя теперь личный сталкер. Причём очень даже ничего. — Он ухмыльнулся. — Может, ты втайне ведёшь двойную жизнь? Днём мафиози, ночью поп-звезда с фанклубом?

— Заткнись, Лука. У меня хоть сталкеры водятся. А у тебя только венерические букеты от шлюх, имена которых ты даже не запоминаешь.

Я пересёк расстояние между нами в три быстрых шага и крепко схватил её за руку чуть выше локтя. Неожиданно под пальцами я ощутил не мягкую податливость избалованной принцессы, а тренированную упругость мышц. Эта девчонка явно знала толк в физических нагрузках. Интересно.

— Последнее предупреждение, малышка. Что. Тебе. Нужно. — я произнёс каждое слово отдельно, впиваясь взглядом в её лицо. — И если ты снова скажешь «поговорить», я лично засуну тебя в багажник и организую незабываемый тур по докам Нью-Йорка. С финальным прыжком в Гудзон. В бетонных тапочках.

Она не отпрянула. Её кожа под моими пальцами чувствовалась обжигающе горячей.

— Поговорить — упрямо повторила она, но в её голосе впервые прозвучала усталость. — И дать тебе то, что переломит войны. То, что отправит Бальтазара де Фуэго прямиком в ад, где ему и место.

Я замер, услышав ненавистное имя. Не слова сами по себе зацепили меня, а тон, которым она их произнесла. Холодная, безжалостная уверенность звучала странно в устах такого юного создания, как будто она уже побывала в аду и вернулась оттуда с чётким планом мести.

— И что это? Волшебная палочка? Карта сокровищ?

— Информация. — девица выдохнула, и её плечи слегка опустились, выдавая колоссальное напряжение. — И доказательства. Неоспоримые. Или ты можешь сейчас уйти и упустить единственный реальный шанс уничтожить его.

Я смотрел на неё. На эту дикую, прекрасную, безумно храбрую (или безумно глупую) девушку. В её зелёных глазах плескалось отчаяние, да. Но не паника. Я видел решимость, за которой стояла готовая к смертельному прыжку пантера. И ненависть к моему врагу. Такая же чистая и всепоглощающая, как моя собственная.

Держа ее за руку, я смотрел на неё в упор, впиваясь взглядом в её лицо и пытаясь разгадать, кто она на самом деле. При ярком свете фонаря я наконец разглядел настоящий цвет её глаз — не просто зелёные, как мне показалось в полумраке клуба. Сине-зелёные, аквамариновые, цвета тропического моря на рассвете, с золотистыми искорками вокруг зрачков. Они меняли оттенок от морской волны до изумрудного льда в зависимости от падающего света. Это были глаза, в которых можно утонуть. Или сгореть.

— Хорошо, — слово вырвалось раньше, чем я успел его обдумать. Моё собственное решение отозвалось глухим ударом где-то глубоко в груди, как набат, предвещающий беду. — Поговорим. Но если хоть одно твоё слово окажется ложью, если ты пришла сюда по его приказу... — я не закончил фразу, только медленно, с нажимом, провёл ребром ладони по собственному горлу. Она быстро кивнула.

Я развернулся, не выпуская её руку, и потащил к дому. Я ещё не решил, что с ней делать, но интуиция, которая не раз спасала мне жизнь, подсказывала: эта странная незнакомка — либо ключ к победе, либо моя погибель.

Мои братья смотрели нам вслед, и их лица выражали недоумение и плохо скрытую тревогу.

Марио нашёлся первым:

— Анджело, ты уверен, что...

— Не сейчас — бросил я через плечо, не оборачиваясь.

Лука присвистнул, и его тон был наполнен едкой иронией:

— Ничего себе. Наш босс приглашает таинственных красоток в дом, чтобы побеседовать. Это что, конец света? Может, мне начать молиться?

Он попал в точку, раздражающий засранец. Я никогда не приводил посторонних в свой дом. Никогда. Мой особняк был крепостью, святилищем и единственным местом, где я мог позволить себе ослабить бдительность хоть на секунду. Здесь был только наш мир, мой и моей семьи.

Но с этой девушкой что-то пошло не так. Что-то в ней заставляло меня ломать собственные железные законы. И это злило и настораживало одновременно.

Мы молча поднялись по мраморной лестнице, прошли длинным коридором, и наконец,

я втолкнул её в свою комнату.

Тишина опустилась на нас тяжёлым одеялом, нарушаемая только нашим дыханием. За высокими окнами во всю стену дышал ночной Манхэттен — холодный, далёкий, безразличный к человеческим драмам, разворачивающимся в его каменных джунглях. Море огней растекалось до самого горизонта, как россыпь бриллиантов на чёрном бархате ночного неба.

Я развернулся к девушке и резко бросил:

— Так кто ты такая, и какого хрена тебе нужно?

Она не ответила сразу, только смотрела на меня своими невероятными аквамариновыми глазами — словно решала, стою ли я того риска, на который она идёт.

Потом её рука медленно поднялась к голове, тонкие пальцы запутались в светлых прядях... и резким движением потянули вниз.

Парик упал к ее ногам безжизненной копной чужих волос. И передо мной оказалась совершенно другая женщина.

Водопад густых чёрных локонов — тяжёлых и блестящих, как жидкая смола под лунным светом, — обрушился почти до талии, струясь по спине живым шёлком.

И в это мгновение в моём мозгу что-то щёлкнуло, и кусочек головоломки встал на место.

Чёрные волосы. Аквамариновые глаза с золотистыми искорками и гордый взгляд. Точёные черты лица с высокими скулами. Я вспомнил эти черты. Видел их на фотографиях из досье, на размытых снимках с мексиканских вечеринок, на кадрах со свадеб и похорон картельных боссов.

Внезапная догадка пронзила меня, как острый клинок между рёбер, и следом накатила волна чистой, обжигающей ярости — дочь моего врага стояла в моей спальне, и это я был человеком, впустившим её в свой дом.

ГЛАВА 6

Тициана.

«Когда ты приходишь к дьяволу за помощью, будь готова заплатить цену, которую он назначит. И молись, чтобы она не сожгла тебя дотла».

Когда парик упал к моим ногам, в спальне повисла тишина. Такая плотная, что казалось, протяни я руку — и наткнусь на нее, будто на невидимую стену между нами.

Анджело Ломбарди застыл в нескольких шагах, и я со страхом наблюдала за превращением мужчины в зверя. За тем, как его тело превращается в идеальное оружие — мускулы напряглись под рубашкой и проступили резче и четче, а глаза... Боже, его глаза темнели с каждой секундой, горели, пока не стали двумя бездонными колодцами, в которых не отражалось ничего, кроме смерти.

Осознание ударило его. А следом пришла ярость. Я видела, как она поднимается в нём волной, готовой поглотить всё на своём пути. Видела, как в его взгляде вспыхивает понимание: я — дочь его врага. И он сам впустил меня в свой дом.

Страх обрушился на меня ледяной лавиной, парализовал и сжал горло. Внутри поднималась и росла паника, грозя задушить. Он сейчас набросится на меня. Убьёт. Или хуже того — вернёт отцу. Я не успею объяснить, не успею ничего сказать.

Моя растерянность смешалась с ужасом. Слова, которые я репетировала так долго, застряли в горле, мысли разбежались. Что я здесь делаю? Почему я вообще думала, что это сработает?

Но если отец и научил меня чему-то, так это держать лицо. И никогда не показывать слабость. Не давать врагу увидеть свой страх. Я заставила себя выпрямить спину и подняла подбородок. Внешне я оставалась холодной и бесстрастной, хотя внутри всё дрожало — так я была напугана.

Нервничая и боясь потерять последний шанс, я отступила к окну, увеличивая расстояние между нами. И тогда — неожиданно даже для себя самой — роковые слова сами сорвались с губ. Прежде чем страх окончательно сломал меня, я быстро выпалила:

— Я пришла, чтобы стать твоей любовницей!

Мой собственный голос прозвучал в тишине слишком громко. Сердце бешено колотилось, и я замерла, ожидая реакции Ломбарди, страшась того, что увижу в его глазах.

Тишина стала оглушительной. Анджело не шелохнулся. Даже не моргнул. Только смотрел на меня этими тёмными, бездонными глазами, в которых плескалось что-то опасное и непонятное.

Потом медленно, с хищной грацией тигра, начал приближаться. Каждый его шаг заставлял моё сердце пропускать удары. Он остановился так близко, что я почувствовала жар его тела, запах дорогого одеколона, смешанный с виски и чем-то тёмным, чисто мужским и опьяняющим.

Мне захотелось убежать и спрятаться, но я собрала всю свою храбрость и встретила его горящий взгляд.

— Кем ты, чёрт возьми, собираешься стать?!

Я заставила голос звучать спокойно и повторила:

— Твоей любовницей.

Мое сердце отчаянно колотилось, пока Анджело безмолвно изучал меня, оценивал и пытался понять, что мною движет, — было ли это безумием или отчаянием.

Потом медленно выдохнул сквозь зубы:

— Тициана де Фуэго. Дочь ублюдка Бальтазара де Фуэго. Принцесса Лос-Сетас.

Я не отвела взгляд. И не отступила.

— La Flor del Desierto, — добавил он холодно, с издёвкой. — Цветок пустыни. Значит, слухи не врали. Ты действительно хороша. Слишком хороша, чтобы быть просто бесплотным слухом.

Я позволила себе дерзкую усмешку:

— Обычно меня называют иначе... Сеньорита де Фуэго. — я сделала паузу. — Но ты можешь звать меня по имени, Анджело Ломбарди…

— Слишком смело для женщины, пришедшей в дом врага своей семьи без охраны. Ты понимаешь, где находишься, принцесса? — его глаза грозно сузились.

— О, я понимаю, можешь мне поверить… Я в логове дона Каморры. В спальне самого опасного мужчины Нью-Йорка. — как ни старалась, я не смогла сдержать сарказм — Довольно романтично, если подумать…

Что-то мелькнуло в его глазах — удивление? Раздражение?

— Романтично? — он улыбнулся, но улыбка не затронула его глаза. — Ты либо храбрейшая женщина, которую я встречал, либо полная идиотка.

— Возможно, и то и другое — призналась я. — Но я здесь. И у меня нет пути назад.

Он сделал ещё шаг, сокращая короткую дистанцию между нами до неприличной. Я чувствовала, как его взгляд скользит по моему лицу, задерживается на губах, и затем спускается ниже — к вырезу рубашки. Моё тело мгновенно вспыхнуло под этим взглядом, а по коже прокатилась волна жара. Это было неправильно. Опасно. Но я не могла это контролировать и не могла не признать — мужчина напротив меня был пугающе привлекателен.

— Итак, ты врываешься в мой дом, — медленно произнёс он, и от его бархатного голоса моя кожа покрылась мурашками, — Предлагаешь себя... Но что ещё ты можешь дать мне, кроме своего сексуального тела и того, что будешь греть мою постель? Это я могу получить в любом месте. В любую ночь.

Его слова обожгли пренебрежением, но я вскинула голову:

— В другом месте ты не встретишь женщину, такую же красивую, как я… А ты любишь красивых женщин. Но ты прав. Я предлагаю тебе не только себя. Я предлагаю тебе информацию.

— Какую? — наконец-то, в его взгляде сверкнул живой интерес.

И я начала говорить — о маршрутах поставок, схемах отмывания, посредниках, слабостях людей отца. С каждым словом я видела, как растёт его изумление.

— Мне помогал мой дядя, Аурелио де Фуэго, — добавила я. — Он ненавидит моего отца также сильно, как я и ты. И если ты согласишься, он поможет тебе так же, как помог мне выбраться из Мексики.

— Интересно, — произнёс он. — Но это всё ещё не объясняет, почему ты ищешь союзника во мне.

Я открыто встретила его взгляд:

— Потому что я хочу, чтобы ты убил моего отца. В нашем мире только ты достаточно безумен, чтобы пойти на это. Этой войны всё равно не избежать, но ты можешь победить. А я могу помочь.

— Почему? — жёстко спросил Ломбарди — И не вздумай лгать.

— Потому что он убил мою мать — сказала я ровно. — Годами я наблюдала, как он избивал её, унижал и жестоко насиловал. И наконец убил. В тот день я пыталась остановить его, но он избил и меня. Мама умирала от побоев, а отец даже не остановился, чтобы проверить, жива ли она.

Я продолжала, торопясь рассказать об избиениях, о Кальдероне, об Эсмеральде… Все, что угодно, чтобы убедить Анджело поверить мне.

— А если я просто возьму то, что ты предлагаешь, — задумчиво протянул он, — и верну тебя отцу? Возможно, я могу вернуть тебя твоему жениху. И заключить союз с ним.

Паника взорвалась во мне холодной волной.

Рука сама нащупала нож, спрятанный за поясом джинсов. Я выхватила его и приставила к своей шее:

— Я скорее убью себя, чем вернусь к нему! Лучше умру, чем снова стану разменной монетой в чужой игре!

Острое лезвие впилось в кожу, и я почувствовала легкое жжение. Анджело среагировал молниеносно. Стальные пальцы сомкнулась на моём запястье безжалостным капканом и резко дернули. Боль вспыхнула мгновенно и прошла по всему телу горячей волной. Я даже не успела осознать происходящее, когда из горла вырвался крик, а нож выскользнул из моих разжавшихся пальцев и глухо ударился о пол. Я попыталась вырваться, но это было бессмысленно — он был настолько силен, что даже не почувствовал моего сопротивления.

Ломбарди легко толкнул меня, и я упала спиной на широкую кровать посреди комнаты. В следующую секунду он склонился и навис надо мной. Его рука всё ещё лежала на моей талии, большой палец непроизвольно поглаживал тонкую ткань рубашки, посылая волны жара.

Наши лица были так близко друг к другу, что мне казалось, что его тёмные глаза смотрят прямо в душу. Я ощутила, как страх сжал горло. Но одновременно сквозь него пробивалось острое осознание его близости. Осознание тяжести его тела, почти прижимающегося к моему. Все мое тело внезапно загорелось ответным огнём, а дыхание сбилось. И где-то в самом низу живота разливался предательский жар — пульсирующий, обжигающий и запретный.

Я бросила быстрый взгляд на мужские губы, которые находились в опасной близости от моих собственных. И в голове молнией промелькнула непрошенная мысль: каково это — если он прижмётся губами к моим губам? Каково — отдаться ему, уступить его свирепой силе? Почувствовать эти сильные руки на обнаженной коже, повсюду?

Анджело склонился еще ближе, его взгляд потемнел, спустился на мои губы. Я напряглась всем телом, губы приоткрылись в предвкушении… Он был так близко, что я чувствовала его горячее дыхание на своем лице. Он медленно протянул руку, и я закрыла глаза…

Я услышала тихий металлический щелчок, и холодная сталь сомкнулась вокруг запястья. Наручники. Не веря, я распахнула глаза. Анджело невозмутимо выпрямился и, отстранившись, убрал руку с моей талии. Но я успела заметить, что в темных глазах мелькнуло удовольствие. Ярость взорвалась, смешиваясь с разочарованием и унижением.

— Отпусти меня, сукин сын! — закричала я, дёргая прикованную руку. — Немедленно!

Ломбарди был уже у двери, но обернулся. На губах играла холодная безразличная усмешка:

— Я подумаю, Цветок пустыни. Я вернусь. Постарайся не слишком скучать без меня.

Дверь захлопнулась. И я осталась одна в его спальне, прикованная к изголовью кровати.

Несколько секунд я просто лежала, тяжело дыша и позволяя ярости кипеть в груди. Потом медленно выдохнула и усмехнулась. Что ж… Моя битва еще не проиграна, Анджело – самовлюбленная задница – Ломбарди.

Пальцами свободной руки я нащупала тонкую металлическую шпильку, спрятанную в густых чёрных прядях, и вытащила её аккуратным движением.

Спасибо, дядя Аурелио.

Он научил меня этому незадолго до побега.

— Это умение никогда не будет лишним, mi querida sobrina (моя дорогая племянница), — сказал он однажды вечером, его голос был серьёзным. — Хотя я очень надеюсь, что тебе не придётся его применять.

Вот оно и пригодилось, дядя — подумала я, склоняясь над замком наручников.

Тонкая шпилька легко проскользнула в замок браслетов. Я закрыла глаза, сосредоточившись на ощущениях — так, как меня учил дядя. Нащупала механизм, повернула и надавила. Ну же…

Я снова услышала характерный щелчок, и наручники послушно раскрылись. Я поспешно освободила запястье и села на кровати, потирая покрасневшую кожу. Потом бесшумно спустила ноги на пол.

Я подошла к двери, прижалась ухом к теплому дереву. С той стороны не доносилось ни звука. Медленно, я повернула ручку — заперто, как и ожидалось. Улыбка скользнула по моим губам. Та же шпилька проскользнула в замок двери. Ещё одно движение и дверь тоже поддалась.

Длинный коридор был погружён в полумрак, освещаемый лишь изящными бра на стенах. Пусто. На цыпочках я выскользнула из спальни и тихо прикрыла за собой.

Толстый ковер заглушал мои шаги, и я немного ускорилась. Сердце колотилось, в венах пульсировал адреналин.

Впереди показалась широкая мраморная лестница, ведущая вниз. Я остановилась у перил, вглядываясь в пространство первого этажа.

До меня донесся низкий гул голосов.

По мере того, как я спускалась ниже по лестнице, голоса становились все отчётливее:

— ... дочь де Фуэго, — до меня долетел обрывок фразы — Она дочь врага, Анджело. А значит, она сама — тоже враг. Как ты можешь ей доверять?

— Доверять не обязательно — ответил Анджело. — Использовать — да.

— Но, чёрт возьми, какая же красотка… — протянул третий голос, самый молодой из всех. Я догадалась, что он принадлежит Луке — Серьёзно, я не ожидал, что Цветок пустыни окажется настолько... впечатляющей.

Раздался смешок первого говорившего — очевидно, Марио:

— Красотка или нет, она всё равно змея. А со змеями не спят, их убивают.

— Ты просто завидуешь — не смутился Лука. — Когда тебе в последний раз такая киска предлагала себя?

Я остановилась у подножия лестницы в тени, осторожно выглядывая в просторную гостиную.

Семейство Ломбарди удобно расположилось в глубоких кожаных креслах вокруг массивного стола из тёмного дерева. Бутылки виски, бурбона, пива и несколько открытых коробок с пиццей хаотично стояли на столе, а к высокому потолку плыл дым от сигар.

Анджело сидел, закинув ногу на ногу, с куском пиццы в одной руке и со стаканом бурбона — в другой. И хотя он выглядел довольно расслабленным и даже почти домашним, я видела напряжение в его позе. В соседним кресле развалился Марио, ухитряясь одновременно жевать пиццу и затягиваться сигарой. Напротив них Лука с нежностью вертел в руках бутылку пива.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок предвкушения. Что ж, Тициана, твой выход. Пора произвести впечатление.

Я глубоко вздохнула, собрала всю свою волю в кулак, выпрямила спину и подняла подбородок… И сделав шаг из тени, вошла в залитую светом гостиную.

Реакция мужчин была бесценной. Все головы резко дёрнулись в мою сторону. Марио выронил кусок пиццы, а Лука пролил пиво. Братья синхронно потянулись к оружию, но увидев меня, замерли. Анджело настороженно таращился на меня, застыв с куском пиццы на полпути ко рту. Я же наслаждалась этими мгновениями, медленно пересекая комнату. И направляясь прямо к креслу Анджело.

Его тёмные глаза следили за каждым моим шагом, в них плескалось что-то опасное и жестокое, но я видела, что он заинтригован. Я остановилась рядом с его креслом и одним плав-

ным движением опустилась на широкий подлокотник. Совсем рядом. Провокационно близко к нему. И, прежде чем он успел среагировать, я выхватила кусок пиццы из его руки и откусила. Медленно прожевала, наслаждаясь вкусом и шоком на их лицах.

— Хммм… — протянула я, облизывая губы. — Довольно вкусно.

Марио выглядел так, словно его ударили по голове. Лука прыснул в пиво, давясь смехом. А Анджело... Анджело смотрел на меня с выражением, которое я не могла прочитать — смесь ярости, удивления и чего-то ещё…

Я же развернулась к братьям, элегантно скрестив ноги и всё ещё сидя на подлокотнике кресла Анджело:

— Итак, джентльмены, — произнесла я, вкладывая в голос всю оставшуюся дерзость и сарказм. — Полагаю, вы обсуждали меня в моё отсутствие. Не будет ли разумным позволить предмету вашей душевной беседы присоединиться к ней?

Ответом мне было гробовое молчание. Я откусила ещё кусочек пиццы и добавила, не отрывая взгляда от их ошарашенных лиц:

— В конце концов, я всё равно уже здесь.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.